

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ЛАДОГА

Андрей Посняков

Кремль 2222

Андрей Посняков

Кремль 2222. Ладога

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Посняков А. А.

Кремль 2222. Ладога / А. А. Посняков — «АСТ»,
2016 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-096528-1

Ладога. Восстановленная крепость древних времен. Ее хозяин – запредельно жуткое и грозное существо Маар – получеловек-полуосм. Обладая невиданным могуществом, жестокий, как сама смерть, Маар подчинил себе все окрестные племена, выжившие в огне Последней войны. Теперь каждый беспрекословно исполняет его волю, называя Великим Мааром или просто Господином. Постоянный страх, жуткие расправы, каннибализм – все это суровые реалии подчиненных ладожскому монстру существ. Кроме того, в ладожской крепости неожиданно оказывается редкостное Синее поле смерти, с помощью которого можно легко копировать боеприпасы и оружие. И тогда сумрачный повелитель Ладоги станет поистине непобедимым! Остается только отыскать Мастера Полей... Торговцы сказали, что такой есть не так уж и далеко – в Кронштадте. Вернее, такая: девушка с красивым именем Алексия, Лекса. Мастера Полей... Мастера нужно выкрасть и заставить работать на себя. Любыми способами. И возможности к этому – есть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096528-1

© Посняков А. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Кронштадт	16
Погоня	27
Берега	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Анатольевич Посняков

Кремль 2222. Ладога

© А.А. Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Нечеловечески жуткий вопль разорвал в клочья гнетущую тишь подземелья. В этом крике слышалась страшная запредельная боль и отчаяние. И еще – безысходность. И покорность судьбе, и, вместе с тем, какое-то слабое подобие надежды.

А вдруг? А вдруг Великий господин сжалится над бедным крестьянином? Подумаешь, вышел на запрещенный берег... Он же не специально, просто немного заплутал и...

Не-ет! Господина не проймешь жалостью! Никогда. И – никак.

Вот снова широкое лезвие ножа взметнулось к темным сводам. В стали клинка отразилось желтое пламя лучин. Чуть дрожащее, но яркое – лучины-то были хорошие, из топляка, такие дают много огня, да и горят ровно и долго.

Лишь один взмах, быстрый, отточенный, ловкий... И снова вопль! И с плеча несчастного узника, подвешенного на дыбу, отделился кровавый кусок мяса... тонкий, словно нарезка бекона... Кровавый ошметок не упал на пол, забрызганный кровью казненных, – Господин подхватил его на лету, утробно хмыкнул и тут же отправил в рот, если так можно было назвать это отверстие для приема пищи – хищное, с костеневшими губами, оно больше походило на клюв.

– Господи-и-ин... – взмолился тот, кого пожирали живьем. – Пощади, прошу... помилуй... я отработаю, отслужу, я-а-а...

Господин не обращал внимания на мольбы. Спокойно, с видимым наслаждением, доел сырое мясо, глянул на жертву круглыми, чуть навывкате, глазами без век. И вдруг, клацнув губами-клювом, плюнул несчастному в глаз!

Несчастный успел закрыть веки... однако это мало помогло. Левый глаз его, тот, куда угодила слюна, задымился и стал быстро вытекать из глазницы. Еще бы, слюна Великого господина представляла собой кислоту, моментально растворявшую все живое!

– Ты обманул меня, червь! И достоин смерти. Той смерти, к которой я тебя приговорил – разумно и справедливо.

Так говорила бы кобра, умея она говорить. Так усмехался бы тираннозавр, умея он смеяться.

Несчастный внезапно обмяк, потеряв сознание от невыносимой боли. И это, как видно, вовсе не входило в планы его мучителя. Тот обернулся, жестом подозвав слуг, почтительно дожидавшихся указаний. Свет горящих лучин выхватил из подвальной полутьмы абсолютно лысую пупырчатую голову с хищно изогнутым ртом-клювом, настолько уродливую, что кто-то из слуг невольно попятился... И Господин отметил это – несмотря на жуткую внешность, он обладал изощренно-острым умом. И чем-то походил на человека, особенно – издали. Высокий, под два метра. Широкие плечи... и несуразные длинные руки... несколько рук, пупырчатых, с присосками, словно щупальца осьминога. Некоторые полагали, что название подобных существ – осмы – как раз от «осьминога» и произошло. Однако это было вовсе не так, аббревиатура ОСМ изначально означала – «оборонные специализированные мутации». Так называлась программа, воплощенная в жизнь ко времени Последней войны, уничтожившей всю человеческую цивилизацию. И породившую цивилизации иные, в том числе – осмов.

– Великий Маар, вы приказали... – несмело подойдя ближе, один из слуг поклонился, преданно поедая глазами своего жуткого повелителя.

– Я еще ничего не приказывал. – Маар отвлекся от своих дум. – Впрочем, вы правильно истолковали мой жест. Приведите его в чувство, – указав на окровавленное тело, клацнул губами осм...

Осм? О, нет, не совсем. Маар не походил на чистого осма, скорей, это был гибрид, кошмарное существо, рожденное человеческой пленницей от осма. Ни хомо, ни осмы не считали его своим и всегда презирали. Всегда!!!

Вспомнив свое жуткое детство, получеловек-полуосм с ненавистью сверкнул глазами. Теперь проклятые хомо заплатят за все! За все его унижения. Хомо... Пока только хомо. Ничего, настанет и очередь осмов.

– Снимите червя, – продолжал указывать Маар. – Положите его на спину... так... Говорят, что со страха резко увеличивается печень. Сейчас проверим, так ли это... Эй! Я же сказал – приведите его в чувство! Живей!

Слуги проворно окатили узника водой из деревянной кадки. Несчастный застонал, открывая глаза... и тут же в ужасе зажмурился, увидев перед собой высокую уродливую фигуру, затянутую в черное. В руках... в лапах, щупальцах? – мучителя угрожающе сверкнул нож.

Свернул и воткнулся под ребра, в правый бок...

Одним движением вырезав печень, Маар выхватил ее второй левой рукой и довольно прищурился с видом заправского гурмана, собравшегося полакомиться каким-нибудь деликатесом. Так ведь и собрался... Только вот узник, захрипев, выгнулся дугою... и испустил дух.

– Он умер от огорчения, – поедая печень, издевательски заметил осм. – От того, что не смог сделать для меня то, что обещал. Обещал, но не сделал.

Маар обвел глазами слуг. Так ядовитейшая змея смотрела бы на лягушек! Что и говорить, мало кто мог выдержать немигающий взгляд этой кошмарной твари. Умной, кровожадной, свирепой.

– И печень у него плохая, невкусная. – Сплюнув, осм бросил на пол кровавый кусок. – Как видно, этот червь был алкоголиком. Небось, брагу любил... Что там во дворе? – подняв голову, Маар глянул на маленькое, забранное частой решеткой оконце под самым потолком и прислушался. – Что там за вопли? Недоимщиков бьют? Или мои верные роботы притащили очередного лжеца?

– Разрешите узнать, господин...

– Нет! – Монстр перебил слугу с вальяжной усмешкою... если эту жуткую гримасу можно было вообще посчитать за усмешку. Впрочем, похоже, что слуги довольно неплохо разбирались в оттенках настроения своего повелителя.

– Пойду сам. Прогуляюсь. Этого... – Осм махнул щупальцем на еще не остывший труп. – Этого – в ледник. Отставьте на ужин. Если... хм... не будет свежатинок.

Всеми унижаемый полукровка, Маар хорошо запомнил еще с детских лет: чтоб тебя уважали и слушались – должны бояться! Не будет страха – не будет ни уважения, ни послушания. Страх! Вот что на самом деле правит миром. Страх окончить свои дни в бедности, страх умереть, страх не соответствовать чьим-то ожиданиям, страх... Вся жизнь человеческая проходит в страхе. Так было. Так будет. Так есть.

Великий господин мог бы принудить всех к подчинению одной лишь ментальной силою, как поступил когда-то с военными роботами – био. Однако опора на страх оказалась ничуть не хуже внутренней силы. А энергии требовала гораздо меньше. Поэтому пусть! Пусть боятся, пусть пугают им детей, пусть дрожат от страха... Только так. И никак иначе. Никогда.

Привыкшие к полутьме глаза монстра не выносили прямого солнечного света, и Маар прикрывал их темными очками. За неимением век. Осмы имели в Москве свой подземный город – их зрение приспособилось к сумраку и даже к полнейшей тьме.

Впрочем, далекие соплеменники пока что не сильно интересовали Великого господина Ладоги – имелось множество насущных дел, проблем, которые нужно было решать. Вот Маар и решал. А кто еще, кроме него-то? Эти жалкие хомо, боящиеся брать на себя и тень ответственности? Ага, как же, дождешься от них! Все – ну, почти все – приходилось делать самому, держать на контроле все и всех. Правда, на множество частей не разорвешься... Хорошо, удалось договориться о патрулировании с крыланами и лесовеками. Кого-то из них Маар просто подчинил силою мысли, кого-то – уговорил, убедил... он умел убеждать. Умел и награждать, и щедро. Если было за что.

Поднявшись на смотровую площадку, осм скрестил на груди руки, глядя на крепостные стены и серую ленту Волхова – великой древней реки, которой теперь приносили богатые жертвы. Выстроенная еще в незапамятную старину, в эпоху неутомимых северных бойцов – викингов, – Ладожская крепость была почти полностью разрушена и частично восстановлена лишь к концу двадцатого века. Много не восстановили – две башни, прясло стены. До Последней войны успели выстроить еще пару башен... А потом разместили здесь наблюдательный пункт. Досталось и башням, и стенам, и храмам. Церкви со времен войны не сохранилось ни одной, выстояли лишь две старые башни. Вокруг башен, беспрестанно грызясь между собой за рыбные и охотничьи уголья, бродили шайки одичалых хомо и «новых людей» – нео. Последние оказались куда более удачливыми и, несомненно, уничтожили бы всех оставшихся хомо, если бы не Маар. Великий господин появился вовремя. Не один, с тремя боевыми роботами – био.

Выйдя из-под человеческого контроля еще во время Последней войны, био стали функционировать сами по себе, исповедуя одну простую идею – выжить. Снабженные специально обработанными человеческими мозгами и не особо разумные, био, тем не менее, отличались звериной хитростью и коварством. Питались они любой органикой, и, утратив огневую мощь, стали куда прыгучей и выносливее предков. Этакие хищные механические твари, не ведающие пощады и ненавидящие все живое. Не так-то просто оказалось их приручить! И все же Маару это удалось. Ментальные способности частично достались ему от природы (конечно же, от осмов, а не от человеческой наложницы). Однако, дабы усилить и закалить их, будущий Ладожский господин не раздумывая бросился в Красное поле смерти – жутковатые желеобразные субстанции, пожирающие на своем пути все живое. Но кого не сожрали, тот приобретал нечто. Некие сверхспособности. Сверхразум, сверхсилу, сверхловкость... Вот и Маар получил. Побывал в Красном поле. Прожегся. Уже после того, как вынужден был бежать из Москвы, от осмов.

Бежал. И бежал далеко – на север. Только так удалось уйти от погони, только здесь спрятаться, укрыться. Однако укрыться – вовсе не значило прозябать. Недочеловек-недоосм, Маар не просто хотел жить, он хотел жить Господином. Тем, перед кем гнули спины. Перед кем лебезили, кого боялись. Страх, страх – в этом все!

Впрочем, на роботов страх не действовал. Их Маар (все же он считал себя осмом, уж точно – не хомо!) взял другим. В мозг хищного, скопированного с древнего зубастого ящера «Рекса» осм внедрил нехитрую мысль об обоюдной полезности. Боевым машинам были нужны обслуживающие роботы – сервы. И таких сервов Маар нашел, подчинив себе стайку лесных хомо. Осм оказался полезным «Рексу», как и двум другим, давно растерявшим «пристяжь» «Чинукам». С ними и захватил древнюю Ладожскую крепость, вернее, то, что от нее оставалось. Да никто эти полуразвалины толком и не защищал, а Маар как раз искал себе надежное убежище.

Ах, молодцы! Любо-дорого посмотреть! Окинув взглядом маячившие во дворе крепости боевые машины, Маар горделиво выпятил грудь. Еще бы! Все роботы блестят, смазаны салом, почищены, метательные диски заменены... А не Ладожский властелин, так что было бы? Ржавели бы себе по болотам, дичали. Да и голодали бы! А что? Крупной дичи в здешних лесах не так уж и много, а рыбу еще поди-ка, поймай. Уж точно не для «Чинуков» и не для «Рекса» задача – это вам не башни с вражеских танков срывать. Оголодали бы, да... или заржавели б. А то б – и то и другое вместе. Полная деградация. А так – в холе, в неге, и обслуживаются и питаются вовремя. И все – благодаря Маару! А уж он-то постарался, чтобы роботы запомнили это накрепко. Чтоб свое нынешнее благополучие именно с ним и связали, благо особым интеллектом ни «Рекс», ни уж тем более «Чинуки» не отличались.

Так и случилось. И био служили честно, чего уж. Первым делом отвадили от крепости бродячие шайки нео – и Великий господин всласть полакомился мясом этих лесных дикарей. Пусть жестковато, но... дичь – она и есть дичь, не так ли?

Теперь вот роботы зорко наблюдали за ходом строительства стен, время от времени даже выступая в качестве подъемных кранов. До наступления холодов осм спешил закончить северное – последнее – прясло, полностью закрыв крепость от внешнего мира.

Вообще-то, основным предназначением «Чинуков» во время Последней войны как раз и являлись строительно-саперные работы. И вот тут-то роботы себя показали! Ну так споро клали друг на друга огромные камни – прямо душа радовалась. Отрабатывающие барщину «черви» (так Повелитель именовал подвластных ему окрестных крестьян) едва успевали скреплять глыбы раствором.

«Рекс» стоял чуть на отшибе – нес караульную службу. По виду – вылитый тираннозавр, ящер, только из стали! Вытянутая хищная морда, мощные когтистые лапы, могучий хвост, в груди – автоматическая пушка, увы, нынче бесполезная, потому как боеприпасы – увы, увы... Можно, конечно, было бы купить их у маркитантов... или сделать... скопировать... Но пока не выходило.

– Господин желает знать о ходе работ? – поклонился поспешно взобравшийся на башню надсмотрщик – плечистый коротышка с кривыми ногами и круглым лицом идиота. Впрочем, дело свое он знал и плетью пользовался умело.

– Докладывай, – зорко оглядывая окрестности, милостиво кивнул осм.

Коротышка принялся что-то монотонно бормотать – какие-то кубометры, человеко-часы и прочее. Маар слушал вполуха, больше смотрел вокруг. Осень нынче выдалась странная – выпавший в конце октября снег, густой и пушистый, к началу ноября вдруг растаял, мало того – отовсюду поперла вдруг зеленка, конечно, трава, не листья, но почки на деревьях набухли, будто весной. Волна запоздалого тепла вдруг накрыла округу, по утрам стелился над Волховом, над Ладожским своенравным озером густой и плотный туман, а к обеду, если не шел дождь, разжаривало совершенно весеннее солнце.

Впрочем, насколько знал Маар, такое бывало и раньше, и даже еще до войны – так что ничего странного.

– Думаю, до снега мы все, что запланировали, успеем, Великий господин...

Еще б не успеть! Снег-то, может, и в январе не выпадет, бывали и такие зимы. Так подумал осм, однако же вслух ничего не сказал, а продолжал слушать надсмотрщика, уже более внимательно, нежели раньше. А тот предлагал вполне дельные вещи.

– Нам еще бы пушки... или пару тяжелых пулеметов вот сюда, на башни. Думаю, у маркитантов можно будет купить...

Коротышка этот – звали его Терентием – отличался не только повышенной злобностью, но и мозгами. Много чего знал, много чего повидал – вот и про пулеметы и пушки ведал, что, по здешним меркам, являлось большой редкостью. Народец тут проживал все больше простой, из тех, про кого поговорка – «живут в лесу, молятся колесу». Все, что мудрые предки когда-то знали, – эти давно забыли, и рассказы о довоенной жизни воспринимали как волшебную сказку.

А этот вот знал. Помнил. И про пулеметы, и про кое-что еще. Потому и оказал ему Маар честь – назначил надсмотрщиком. Да не простым, а главным. Не только за деревенскими «оброчниками» следить, но и за «внутренними». «Внутренними» называли тех хомо, что проживали здесь, в крепости, исполняя функции слуг и охраны. Неплохо питались, а в случае нападения врагов им была гарантирована защита внутри крепостных стен. То есть, собственно, они крепость и защищали, чем очень гордились. «Внутренние» «внешних» – неумытую деревенщину – откровенно презирали и считали хорошим тоном рассказывать про них самые похабные анекдоты. Или – унижать, как вот сейчас, на стройке.

– Говорят про тебя, Терентий, будто бы ты девку какую-то завел своевольно, – прервав коротышку, вскользь заметил осм.

Надсмотрщик резко побледнел. Страх, животный и беспредельный ужас, тотчас же пронзил всего его, корявые ладони вспотели, задрожали колени... И главное, Терентий точно знал, что врать Господину нельзя ни в каком разе! Потому как Великий господин не только ложь чувствует, но, при нужде, и мысли запросто прочитает может.

Маар действительно мог все это. И чувствовать, и читать. Спасибо Красному полю – способности у Повелителя Ладожской крепости имелись недюжинные! Мог. Все мог.

Однако вот здесь, в данном конкретном случае, вдруг оказался почти бессилён! Потому что все мысли, весь разум Терентия мгновенно затмил страх.

Это хорошо, конечно: боится – значит уважает. Но, с другой стороны... что же он на самом деле думает-то? Вдруг да зло какое умыслит? Никак нельзя мысли подчиненных людей оставлять без присмотра, никак нельзя.

А тут... Страх, один страх. И еще – злоба. Ага, вот, вот... злоба не сама по себе... и не к Великому господину... а к некоему Максимушке по прозвищу Глот! Дескать, этот чертов Глот его, Терентия, и подставил. Обзавидовался... Донес! Ну, да, Зинаида – девка сочная. Не смотри, что семнадцать лет, а грудь – колесом, круглая. Ягодицы – как две бочки! Да и остальное – все при всем.

Максимушка Глот... Осм не сдержал ухмылки – выходит, не зря он назначил этого хитрого, нахального и трусливого парня с непомерными амбициями первым заместителем Терентия. Пусть друг за другом следят, пусть друг другу завидуют, ненавидят друг друга... или лучше – не друг друга, а враг врага? Все правильно. Еще в невообразимо древние времена говорили – «разделяй и властвуй».

– Я, Великий... не своевольно... просто так... так вышло... – валясь Властелину в ноги, бессвязно бормотал коротышка. – Я отработаю... отслужу...

Ползал, обнимал за ноги. И взгляд у него при этом был такой преданный-преданный. Как у верного пса.

А левая щека дергалась – видать, от волнения – и на щеке той алел зигзагом шрам. То был не простой шрам, а знак! Знак Отмеченных Повелителем. Маар удовлетворенно кивнул – кого попало он не отмечал и раз этого выделил, значит – было за что. Осм помнил за что, только не стал сейчас припоминать подробности – слишком уж много чести тратить на «червей»-хомо (пусть даже и приближенных) свое личное драгоценное время.

– Встань, Терентий. Поднимись! – негромко приказал Ладожский властелин.

Коротышка поспешно поднялся, знал – Господин не любит повторять своих распоряжений дважды.

– Девку свою сегодня же лично удавишь. – Маар хищно прищелкнул костяшками губ. – Но перед этим вырежешь ей, еще живой, теплой, печень и сердце. Принесешь мне. Понял?

– Понял, мой повелитель! – обрадованно просиял надсмотрщик. – Девку вам приведу... принесу...

– Да не девку! – Осм досадливо скривился. – А печень ее. И сердце. Да, голову с мозгом... надеюсь, есть у нее мозги? С остальным мясом можешь распорядиться как хочешь. Я сегодня сыт.

– Слушаюсь и повинуюсь, Великий господин. Печень. Сердце. И мозги... Точнее – голову. Я сделаю! Выполню все. Я не подведу вас, мой господин!

– Ну, хватит, – брезгливо попятился Маар. – Пшел вон, пес.

Дело было отнюдь не в грудастой девке. А в том, что надсмотрщик оставил ее себе, не спросив разрешения. Почувствовал себя маленьким господином, тля? Этого Маар не мог оставить без последствий, хоть вроде и мелочь. Опять же, кто-то из древних сказал – маленькая ложь рождает большое недоверие. А зачем наделять властью людей, которым не можешь доверять?

Подумав так, осм неожиданно для себя хмыкнул: вообще-то, он не доверял никому. Ни в большом, ни в малом. Однако приходилось использовать многих червей – обязательно под контролем. Не разорвешься же сам на сотни кусков? Тем более, мозги стражникам и слугам промывались весьма основательно. Лично Мааром, кем же еще?

А он не гнушался! Выброшенный на радиоактивную помойку всеми презираемый мальчик-полукровка наконец стал Властелином! Пока пусть только здесь, в Ладоге. Пока только здесь...

Однако же имелось, имелось в крепости нечто, что вселяло в осма вполне осознанные надежды не только на укрепление власти, но и на завоевание новых земель. Эта надежда размещалась здесь, в крепости, в подвале угловой башни. Именно туда и отправился сейчас Властелин.

Шел, чеканя шаг. В начищенных до зеркального блеска юфтевых сапогах отражалось ноябрьское солнце. Часовые у башенных ворот при виде своего господина вытягивались и бледнели, отдавая честь.

Нет, все ж таки власть – неплохая штука. Очень, очень приятная. Только уж больно хлопотная, да.

Взяв у часового факел, Маар спустился в подвал, заглянув в круглый, без всяких ограждений и парапета колодец, на дне которого синела какая-то колыхающаяся желеобразная масса. Это и была надежда. Редкое Синее поле! Субстанция, способная генерировать предметы, копировать их в обмен на жизни.

Еще в той, прошлой своей, московской, жизни осм видел, как один Мастер управлялся с подобным Полем. Как бросал в него пистолетный патрон, затем швырял туда же пойманную только что крысу, и... Синеватая вспышка. Хлопок. Запах паленой плоти... И целое ведро патронов взамен! Массой – равное массе крысы. Такая вот арифметика. Вроде бы все просто. Однако с этим конкретным Полем ничего такого не происходило: живых крыс, собак, да и людишек оно лопало исправно... А вот взамен ничего не давало! Ни-че-го!

Отчаявшемуся осму иногда становилось откровенно жаль потраченных на Синее поле средств. Он отдал за него маркитантам дюжину молодых, красивых и вкусных рабынь! Дюжину

голубоглазых светловолосых девок. Целую дюжину за синий кисель, поместившийся в не слишком уж и большой горшок.

Далее все сделали, как и сказали маркитанты: принесли, выпустили Поле в колодец, исправно кормили, и... И что же, выходит, зря?

Насколько знал Маар, Полями смерти именовались зараженные участки, субстанции, обычно в виде зыбких желеобразных полусфер самых разных размеров, от мелких – с горшок – до огромных, порой достигающих нескольких десятков метров в диаметре. Поля смерти часто вели себя так, как обычные животные, – охотились, подстерегали добычу... И одновременно могли изменять угодившие в них существа и предметы. К примеру, сам Маар прожесся в Красном поле, обретя невиданную силу, ловкость, ум! В Красном можно было прожесся, Черное изменяло структуру биологических объектов и восстанавливало предметы. Синее – могло копировать...

Тьфу ты! Сплюнув ядовитой слюной себе под ноги, осм выругался. Вот именно, что «могло». Но почему-то не хотело. Может, еще просто до конца не выросло, молодое было... или не доверяло вокруг никому, чувствовало себя некомфортно. Спросить бы у продавцов, да те только по весне явятся. Не-ет, не стоит так долго ждать. Да и что маркитанты могут ответить? Лишь плечами пожмут да посоветуют отыскать Мастера. Человека или любое другое существо – умеющее обращаться с Полями.

Мастер Полей, да... Вот бы кого отыскать. Пригласить, заманить на службу, заплатить со всей щедростью, а потом, как наладит работу Поля... Потом, как говорится, – возможны варианты. Однако же где такого Мастера найти? В здешних гнилых местах – большая проблема. Маар уж и так пробовал, и этак. И посылал по деревням глашатаев-биричей, бросал клич. И развешивал по южному берегу Ладоги дощечки с объявлениями – мол, требуется Мастер Полей. Совсем уж до смешного дошел, однако надо же было хоть что-то делать, не сидеть же сиднем до весны, сложа руки?

Посветив факелом, Властелин вновь заглянул в колодец, глянул на синее колыхающееся мерцанье. Вздохнул. Тихонько вышел обратно. Даже ничего не спросил у стражника. Так и что спрашивать-то? Ясно и так – нужен Мастер Полей.

Искоса взглянув на стройку, ладожский властелин вновь поднялся на башню – там ему лучше думалось, никто не отвлекал. Встал, опершись на парапет шупальцами-руками. Две левые. Две правые. Длинные. И столь же длинный глухой черный кафтан с капюшоном. Как ряса у монахов. Маар с детства любил черный цвет и ненавидел те лохмотья, что всегда предпочитали осмы. А после прожжения в Красном поле он и вовсе стал больше походить на человека. И речь стала куда более членораздельной и четкой, нежели прежде, и мысли в порядок пришли.

Внизу все так же невозмутимо нес свои воды Волхов. Гнулись по берегам голые кусты и деревья – вербы, рябины, ивы. Дальше начинался смешанный лес, тянувшийся далеко-далеко на восток, без конца и без края. Там же, недалеко, располагались зависимые от Властелина деревни. Охотничьи угодья. Пасеки. Поля. Все это зорко охраняли вооруженные лесовеки и крыланы, сообщая о каждом появившемся чужаке. Впрочем, кроме маркитантов у впадения реки в Ладогу, никакие чужаки в здешних местах не появлялись никогда. Да и маркитанты – те только с конца весны и до октября примерно. Пару-тройку ходок за сезон всего-то и делали. Так и что тут было покупать? Ну, мед, ну, рабы, а пуще того – рабыни, да лес. Эх... Отправиться бы в дальний поход на Капшу-реку да прижать тамошних жителей. Говорят, они ткачи искусные. Можно было бы неплохую торговлишку развернуть. Одежда – она всем нужна. Ах, Мастера бы, Мастера... Тогда никакие ткачи не надобны! Знай, в Синее поле жертвы кидай да получай взамен, что тебе надобно. Мастера бы. Мастера!

Много чего обещал Маар за Мастера. Даже хотя бы за сведения о таковом. Мол, живет там-то сям-то – в трех днях пути. Да хоть в десяти, в месяце... Нашли бы! Добрались бы! Да!

А поставщику информации за это – вкусную еду, красивейших женщин, теплую избу: все, что пожелает. Желали многие. Но часто обманывали, говорили, чего толком не знали. Кого пытались обмануть, жалкие глупые хомо?! Ладожский повелитель вранья не прощал, и это поняли очень быстро. Последний из непонятливых – Махитра-купец – нынче как раз и домучивался.

Вроде б и тепло было – будто в сентябре, и молодая трава вставала вдоль крепости зеленой стеною, а все же дни-то стояли короткие, ноябрьские. Часа в четыре дня уже закатывалось, садилось солнце, а затем наваливалась, наступала тьма, разгоняемая лишь огнем факелов да лучин, а при нужде – и лобовым прожектором «Рекса». Вечера тянулись долго, хоть и ложились спать по-деревенски рано. Все. Кроме самого Повелителя и его верных слуг. Хоть и говорят, что умному человеку в компании с самим собой не скучно, а все же осм придумывал себе развлечения – кого-то казнил или тайно проверял часовых – видел-то в темноте прекрасно. Иногда даже пробирался к дальним деревням, подходил к хижинам, подслушивал мысли тех, кто не спал. И, в случае выявления крамолы, тут же принимал меры. Врывался из темноты, словно черный демон!

Все контролировал, все... Правда, дальние деревни – не часто, и причиной тому была обычная лень, так свойственная всем живым существам без исключения. Даже боевые роботы – и те любили постоять без всякого дела, экономя энергию. Вот и сейчас стояли вместе, видать, общались, а заодно контролировали обстановку – с их высоты было видно далеко, и крепостные стены не мешали.

Вот что-то явно заметили. Еще раз всмотрелись в даль, потом совсем по человечески переглянулись. Один из «Чинуков» торопливо направился к башне, доложил металлическим голосом:

– Хозяин, там...

– Я вижу, «Чинук». Спасибо. Иди.

Маар не забывал благодарить – роботы были падкими на похвалу, совсем как дети.

Заурчали сервомоторы. Довольно мигнув фарами, «Чинук» повернулся и зашагал прочь. Теперь уже не к своим, а к дальней башне – на пост. Металлическая фигура издали напоминала гротескную человеческую. Именно поэтому поначалу местные боялись «Чинуков» куда больше, чем «Рекса». «Рекс» – просто большая ящерица, железная зверюга, а «Чинуки» – не иначе как дьяволы!

За дальним лесом, за приземистыми, с древними могилами, сопками, садилось солнце. Последние холодновато-желтые лучи его освещали крыши крепостных башен. Через весь двор и дальше, к Волхову, протянулись длинные черные тени. Кружа над старым жнивьем, громко кричали вороны, рядом, у северной стены, журчала неширокая речка – Ладожка, через которую был переброшен хиленький деревянный мостик, в случае нападения врагов легко уничтожаемый роботами. Из леса к мостику вела довольно широкая и ухоженная дорога, местами даже мощенная бревнами. Дорога шла на север, к Ладоге, к пристани, к лодкам рыбаков и маркитантским складам.

По дороге кто-то скакал, поднимая ошметки грязи и двигаясь в направлении к крепости. Вот уже подъехал к мостику. Прекрасно видевший в сумерках Маар хорошо различил плотоядную когтистую лошадь – фенакодуса – и сидевшего на ней всадника в узких домотканых штанах, в сапогах из кожи летучей мыши и камуфляжной куртке. Штаны и сапоги указывали на низкий социальный статус всадника, куртка же и фенакодус – совсем наоборот. Хороший «конь» стоил двадцать красивых рабынь, и камуфляжная (как ее здесь именовали, «марки-

тантская») куртка – примерно столько же. Правда, раздобыть все это можно было разными способами, совсем не обязательно покупать.

Судя по тому, что мужчина вообще добрался до крепости, а не был уничтожен по пути крыланами или лесовеками, это был кто-то из своих. Кто-то из внешних или внутренних стражей, не крестьянин-червь – точно, слишком уж ловко управлялся с фенакодусом, да и камуфляж говорил о многом.

Йован! – всмотревшись, наконец, узнал осм. Йован Рыбак, верный вассал, хозяин одного из приладожских хуторов. Один из тех – обещавших...

Хуторянин держал артель, не сам рыбачил, да вот не смог вовремя заплатить недоимки и, как говорится, – «попал»! Верно, оттого и обещался отыскать Мастера, а может, и впрямь знал что-то. Йован близко общался с маркитантами, имел среди них добрых знакомых и даже друзей.

Неужели что-то узнал? Что-то очень важное, вполне достойное обещанной награды. Ну, конечно же – узнал, иначе б не спешил так... себе на погибель!

Перевалив через мостик, Йован Рыбак резко осадил «коня» перед запертыми воротами и помахал рукой стражнику. Чуя теплую конюшню, пищу и отдых, фенакодус радостно завизжал и принялся царапать когтистыми лапами землю.

– Господин!

Едва Маар спустился во двор, как к нему тут же подбежал воротный стражник в латах из толстой бычьей кожи и круглом железном шлеме.

– Там, за воротами – чужак, господин. Называет себя Йованом Рыбаком...

– Пропустить, – зевнув, осм клацнул костяными губами и строго воззрился на воина. – Ты что же, совсем не знаешь Йована?

– Знаю, господин, – не моргнув глазом, отозвался стражник. – Только ведь под личиной Йована может прятаться враг!

– Молодец! – одобрительно рассмеялся Маар. – Правильно рассуждаешь. Как твое имя?

– Внешний десятник Нур, господин.

– Иди дальше служи... десятник Нур. Как видно, я не зря взял тебя в крепость.

Ладожский властелин принял хуторянина не сразу, хотя и очень хотелось узнать, послушать все его мысли. Однако нет – торопливость не к лицу правителю, слишком торопливых не уважают, не боятся, над ними, скорей, насмехаются. Маар вовсе не горел желанием становиться объектом насмешек, а потому – зря никогда не спешил. Вот и на этот раз. Йован Рыбак все равно уже здесь, в крепости – и теперь никуда не денется.

Велев притащить очередного узника, Властелин вытащил из-за пояса широкий обеденный нож и плотоядно облизал костистые губы. Слуги проворно вздернули бедолагу на дыбу. На этот раз это был мальчишка – костлявый, с торчащими ребрами. Пища, конечно, та еще... Так Маар больше не собирался есть, насытившись печенью несчастного Махитры-купца. Есть не собирался, но вот утолить жажду...

– Принесите чашу, – повел взглядом Властелин. – И введите того деревенщину с дальнего хутора...

Ладожский властелин не сказал – «Йован Рыбак». Правитель, который хочет, чтоб его уважали, никогда не должен показывать другим, что помнит имена всех своих холопов! Помнить – должен, показывать это другим – нет. Только избранным, кого хотел отметить. А так... Мало ли, кого как зовут? Не дело правителя помнить имена простолюдинов. Не дело!

Войдя, хуторянин поклонился, приложив руку к сердцу. Лицо его, и раньше худое, теперь еще больше осунулось, обострились заросшие черной щетиною скулы. Из-под распахнутого на груди камуфляжа виднелась рубаша из выцветшей синей холстины. Такие рубашки тоже продавали маркитанты, и ткань называлась – джинса. Ловкая поджарая фигура, хитроватый – себе на уме – взгляд, мягкие, неслышно ступающие сапоги. В такой обуви легко подобраться незаметно и нанести неожиданный удар.

Повернувшись к вошедшему, осм смачно отхлебнул из большой серебряной чаши только выпущенную из несчастного мальчишки кровь. Утолив жажду, чуть помолчал, сканируя мысли и чувства простолюдина. В чувствах легко и ожидаемо читался страх... с большой примесью отвращения. Ишь ты! Ла-адно... Что же касаясь мыслей, то и их Маар прочел без труда, спасибо технологиям оборонных специализированных мутаций и Красному полю. Прочел, передал чашу проворно подбежавшему слуге и, предваряя доклад, спросил:

– Кронштадт? А где это?

– За Петербургом. Недалеко, в море.

Йован Рыбак, конечно же, был наслышан о безграничных способностях жестокого правителя Ладоги, но такого, признаться не ожидал. Властелин прочел его мысли быстро и четко, как сам Йован читал старинную, с картинками, книгу.

– Самое главное, господин, миновать Петербург, а там...

Хуторянин не сдерживал почтительного изумления, и это очень понравилось осму. Вполне довольный произведенным впечатлением, Маар продолжил беседу уже куда более милостиво. Больше слушал, меньше говорил, лишь иногда что-то уточнял, не отказывая себе в удовольствии покопаться в чужих мыслях.

– Говоришь, Мастер Полей – совсем юная девушка? Разве так может быть?

– Так говорят маркитанты, мой господин. И некий кормщик – Рранг из Койвисто, он недавно с торговцами. Так вот, этот Рранг...

– Вижу, – задумчиво покивал властелин. – Он успел повоевать с Кронштадтом. Но... этот нео нам не подойдет – похоже, он прожжен в Красном поле.

– Э... где прожжен, господин?

– Забудь! Я вижу в твоих мыслях еще какое-то одноглазое существо, похожее... – Здесь осм усмехнулся. – Похожее на навозную кучу. Ты ведь именно так думаешь?

От хуторянина прямо дыхнуло волной безмерного удивления, смешанного с искренним уважением и страхом. И это было приятно, очень приятно...

– Это не я думаю, господин. Так рассказывали маркитанты и Рранг. Он, кстати, кормщик...

– Кормщик, возможно, нам очень скоро понадобится, – прохаживаясь возле окровавленного трупа, Маар принялся рассуждать сам с собой, не обращая внимания ни на кого – так ему лучше думалось. – Но Рранг... он точно – прожженный. Иначе как тупорылый дикарь-нео мог стать кормщиком? Управлять кораблем... Впрочем, особого выбора у нас нет, иначе можно ждать бесконечно. Что ж, придется его нанять... И отправить наших людей. Ты сам поведешь их, Йован Рыбак!

Вот на этот раз Властелин, наконец, произнес им простолюдина – громко и четко. Хуторянин вздрогнул и упал на колени... но сказать ничего не успел – нынче говорил Повелитель.

– Возьмите наш катер. Берегом до Невы-реки вас будет сопровождать «Рекс». Кормщику дадите задаток, хороший задаток, полная же оплата – здесь. Отправитесь завтра, с утра... Да! Ты сможешь отыскать этого Рранга?

– Я... я сделаю все, господин!

– Иначе придется действовать самим – а это чревато. Местность-то незнакомая. Все понял, Йован Рыбак?

Если б у него имелись веки, то, верно, Маар при этих словах бы зловеще прищурился... а так просто в круглых глазах Повелителя вспыхнул на миг желтый огонь. Вспыхнул и сразу угас. А острый, с присосками, палец потянулся ко рту, напитываясь кислотной слюною...

– Подойди ближе, Йован Рыбак! На колени... Так...

Левую щеку хуторянина пронзил дымящийся кровавый шрам – след пропитанного кислотой когтя. Отметина Повелителя. Почетный и вечный знак!

Йован покинул подвал, зажимая рану. И не посмел напомнить об обещанной награде. Ясно же было – награда ждала его впереди.

Кронштадт

Кира разбудил телефонный звонок. Яростная, звонкая трель, еще не привычная для возрождавшегося после Последней войны Кронштадта. Такие телефоны – массивные, большие, в черных эбонитовых корпусах – Мастер Полей Алексия недавно вытащила из Черного поля. Вытащила сама по себе, безо всякого приказа, сказала – для связи. И впрямь, здорово стало! Во всех важных местах такие аппараты установили, слова новые, модные, появились – «позвонить», «дозвониться», «прозвон».

Алексия, Лекса, всякие такие старинные штуки просто обожала, как и старинную – еще на виниловых дисках-пластинках – музыку, кою бережно собирала, так что в библиотеке крепости имелась уже весьма приличная коллекция. Уж так случилось, что Мастером Полей в Кронштадтской крепости стала совсем еще юная девушка – тоненькая, легкая, как солнечный лучик... Кир ее всегда звал «сестренкой», и только сейчас, в последнее время, понял, что любит... Да и то, честно-то сказать, не до конца осознал еще, просто зашевелилось где-то глубоко в душе такое вот чувство.

– Дежурный сотник Кир слушает! – Вскочив с топчана, молодой человек поспешно набросил на плечи черный матросский бушлат с золочеными пуговицами.

Кирилл, Кир. Еще совсем молодой человек двадцати четырех лет, сотник и председатель Совета Выживших. Для многих – командир и начальник. И высшее должностное лицо. Несмотря на молодость. Кронштадт вообще стал миром молодых. Всех взрослых не так давно выкосила страшная болезнь – нанобешенство, – насланная из Чумного форта. Хорошо, эпидемии все же удалось остановить, не в последнюю очередь благодаря все той же Алексии-Лексе – Мастеру Полей.

Председатель Совета Выживших – это была выборная должность, и срок Кира на этом посту заканчивался. Что и к лучшему – можно будет отрешиться от всех дел и спокойно подумать о личной жизни. О Лексе, да... Интересно, как она сейчас относится к Киру? Алексия – девушка обидчивая...

– Что-что? Кто говорит? Десятник Рэм? Ну, здорово, дружище, здорово!

Связь была не очень хорошей, старинное оборудование сбоило, хоть его время от времени и чинил прибившийся к кронштадтцам наемник шам по имени Наг. Электриком он и нанялся... правда, не так уж в электрике и смыслил. И все же и его познаний было немало для мира, в котором было почти напрочь забыто само понятие «электричество».

– Что случилось? Что? – застегивая пуговицы, кричал в трубку Кир. – Неизвестный корабль? Большой?! Ах, катер... Обстрелял?!

Красивое, обрамленное небольшой «шкиперской» бородкой лицо сотника вытянулось:

– А потери? Нет пока... Слышь, Рэм! Ты вот что... Вы держитесь пока. Держитесь. А я сейчас объявлю тревогу. И сообщу Спайдеру... Он поможет, да и мы сейчас будем... уже!

Молодой человек действовал быстро и четко. Спустился вниз, в казарму, подняв по тревоге весь личный состав караульной роты.

Резко зазвучала сирена. Молодые матросы живенько, за минуту, оделись, выбегая на улицу, и вот уже встали, выстроились плечом к плечу, угрожающе поблескивая штыками. Винтовка Мосина, хоть и старинная, но убойная и увесистая, и штык у нее – ого-го!

Оставив за себя заместителя, Кирилл сам повел отряд. Собственно, куда ничего особенно страшного не случилось. Просто появился в море непонятный корабль, катер... И обстрелял, гадина, Первый Северный форт. Хорошо, обошлось без раненых и убитых. Надо было выяснить, разобраться – что это за судно? Чего хотят? Так просто стреляли – из вред-

ности? На всем разбойничьем побережье от Сестрорецка до Койвисто свободолюбивых кронштадтцев ненавидели многие и многие хотели бы навредить. Сильных врагов хватало, тот же Одноглазый мутант – властелин Новоселок, или недобитая банда белоглазых. Да тот же прожженный нео из Койвисто, кормчий. Если, правда, не погиб, не утонул вместе со своим эсминцем.

– Быстрее, парни, быстрее! – торопливо подгонял сотник.

Старший десятник – старшина – засвистел в свисток, принялся командовать:

– Р-рота, напро-ра-ву! Шагом... арш! Раз-два, раз-два – левой, левой... Правое плечо вперед! Песню запе-вай!!!

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Песню с моряками (так, по традиции, именовали себя все кронштадтские воины) разучивала Лекса – как специалист по старинной музыке. Еще такой же имелся специалист – похожий на огромную перевернутую чашку боевой робот Спайдер – но тот предпочитал хэви метал, а вот Алексия всякую старинную музыку слушала. А Спайдер что – железяка. Железяке только хэви метал и слушать.

Хорошо пели моряки, слаженно. И шли, чеканя шаг, строй четко держали. Это все было правильно: и строй, и строевая песня силы придает, уверенности. Каждый знает – рядом товарищи, плечом к плечу шагают. Вместе нам – все нипочем, вместе мы – сила несокрушимая!

Пощады никто не желает!

– Ать-два, ать-два, левой!... Левое плечо веред... Подтянись!

Здорово шла рота! Любо-дорого посмотреть. Впереди – взвод разведки в камуфляже, позади – пулеметный взвод. Три станковых пулемета «Максим» – это вам не игрушки. Пусть староваты, зато – мощь какая! Любой нахальный катерок – за пол-ленты утопят.

– Ать-два, ать-два, ать...

Из домов выходили люди. Все молодые. Кто в камуфляже, кто – в черной морской форме. В Кронштадте служили все. Каждый ценился – людей было мало, да и время такое, что только держись. Шутка ли, совсем недавно отбили от нашествия банд белоглазых народов! Разбойникам береговым прищемили хвосты. И вот опять чьи-то подлые происки.

– Ать-два, ать-два! Ро-та... стой! Не в ногу... Арш!

Прошагали по мостику. Миновали наполненный водой ров. Прошли улицу старинную Зосимова да через облетевшие кусты вышли к развалинам на древней Цитадельной дороге. Здесь Кир ненадолго задержался...

– Ведите людей, старшина. Я догоню.

...Увидел старого своего знакомого и, можно сказать, друга – Джареда Хорга, наемника-дампа. Нелюдимый и замкнутый, Джаред с виду был страшен, как и все дампы – обезображенные человекообразные мутанты, прикрывавшие лоскутками материи отсутствие кожи, нарывы и язвы. Глаза с вертикальными зрачками, без век. Преданность клану, точнее – своему отряду. Был когда-то такой отряд и у Джареда Хорга, был, да весь сплыл. И вынужден был бывший командир-мечник податься в наемники. Теперь кронштадтцы – его клан! И длинный

ритуальный кинжал для самоубийств с маленьким стальным черепом на навершье – все, что осталось от прошлой жизни. Кинжал, да еще – меч. Большой, двуручный – дамба предпочитали только холодное оружие. Мечи, алебарды, арбалеты...

Джаред Хорг, как всегда, гонял с мальчишками в футбол. Их же обучал мечному бою. Парни его обожали, а самому наемнику, наверное, общаться с детьми было куда легче, нежели со взрослыми.

Завидев моряков еще издали, дамп прекратил игру и встал, опираясь на меч. Вызывающе страшный и грозный воин с добрым – как оказалось – сердцем и раненой душой.

– Здравствуй, друг. – Подойдя, Кирилл протянул руку.

– Здравия желаю!

Дам держался со всеми одинаково, вежливо-официально, позволяя себя неформально общаться разве вот только с детьми.

– Что-то случилось, сотник Кир?

– Какой-то катер обстрелял Первый Северный, – кратко пояснил молодой человек. – Там может быть не одно судно, поэтому... Ну, ты сам понимаешь.

– Да. Я нужен?

– Нет. Отдыхай. Сегодня ведь не твоя вахта, так?

Молча кивнув, наемник простился с Кириллом и вернулся обратно к ребятам. И снова закипел футбол...

* * *

Первый Северный форт (других в это время уже, увы, не существовало) соединялся с островом Котлин, где собственно, и располагалась Кронштадтская крепость, довольно узкой косой, у которой был оставлен часовой. Увидав своих еще издали, он радостно замахал руками.

– Ники! – Кирилл улыбнулся, узнав паренька – одного из юных матросов бывшего своего десятка, с которыми не так давно делил и хлеб, и кров. Здесь же, на Первом Северном.

– Здравия желаю, господин председатель! – худенький, похожий на школьного зануду-отличника, Николенька-Ники доложил вполне официально. Правда, тут же понизил голос и улыбнулся:

– Рад тебя видеть, Кир! Как Лекса?

– Заходила вчера, – наплевав на субординацию и строгий Устав гарнизонной и караульной службы, Кирилл поздоровался с часовым за руку. – Передавала всем нашим привет.

– Повезло тебе с девушкой, командир, – хлопнув пушистыми, как у девчонки, ресницами, серьезно заметил Ники. – Алексия – красивая и умная. А мне вот пока что-то такая не встретилась.

– Поживи с мое! – отойдя в сторону, Кир провожал глазами идущих по косе моряков. – И где же нахальное судно? Что-то я его не наблюдаю.

– А оно то подойдет – сделает пару выстрелов, то потом сразу рванет мористее. Трусые!

– Понятно...

Один из ротных старшин, высокий чубатый парень, вдруг замедлил шаг, задержался:

– Разрешите обратиться, господин сотник?

– Слушаю.

– Может быть, оставить пару пулеметчиков здесь, в ивах? Думаю, от них будет толк.

– Обязательно оставим, – кивнул Кирилл. – Только не из роты. Других.

– Других? – старшина непонимающе моргнул.

– Других, – подтвердил председатель. – Не беспокойтесь, идите. И знайте – предложение ваше вполне разумное.

Отдав честь, старшина побежал догонять своих, шлепавших по размытой дождями косе. Кирилл же, оставив часового, отошел метров на полста в сторону старого кронштадтского кладбища и прислушался. Рэм сообщил по телефону, что первым делом отправил гонца к Спайдеру, так что боевой робот должен был явиться с минуты на минуты.

Спайдер... Точнее, «Спайдер В3», тактический робот огневой поддержки, изначально оснащался минометным комплексом, двумя противотанковыми пушками и четырьмя пулеметами. Был рассчитан на разные режимы ведения боя, обладал повышенным интеллектом, маневренностью и выживаемостью на поле боя. Умный! И маневренный, подвижный.

В свое время прежний (еще до Кира) Совет лишил Спайдера манипуляторов, используя его так, как когда-то, в древней Второй мировой войне, использовали в боях лишившиеся подвижности танки – просто закапывали их в землю по самые башни. Точно так же поступили и со Спайдером, вновь обретшим подвижность только благодаря Киру. И подвижность эта стала с тех пор – бронетанковой.

Прислушавшись, Кирилл уловил приглушенный гул. Затем донесся лязг гусениц, и из рябиновых зарослей, треща ветками и стволами деревьев, выбрался... самый настоящий танк! На платформе с гусеничным ходом возвышалась круглая аспидно-черная башня с манипуляторами, пулеметами, датчиками движения, фарами и всем таким прочим. Так теперь выглядел Спайдер.

Подкатив прямо к Кириллу, робот лихо затормозил, и, вырубив двигатель, повернул башню.

– Привет! – раздался из динамиков металлизированный голос. – Как. Жизнь? Как. Моя. Душа. Поживает?

Спайдер, как всегда, разговаривал отрывисто, отдельными словами. А «моей душой» он называл старую свою знакомую – Лексу.

– Я. Ей. Один. Мотивчик. Припомнил, – включив динамики, био грохотнул какой-то древней металлической группой. – «Апокалиптика»! Круто. Да?

– Алексия скоро тебя навестит, – скривился от грохота сотник. – Сейчас вот что: поезжай-ка вон туда, к косе. Там замаскируйся и жди.

– Цель? – вырубив музыку, тут же уточнил Спайдер.

– Небольшой корабль. Или катер. Стрелять – только по команде. На Северном три раза мигнут прожектором.

– Понял. Исполню. – Мигнув фарами, робот лихо повернул и, разбрызгивая по сторонам грязь, покатил к морю. – Наконец. Хоть. Какое-то. Дело.

Кирилл хорошо расслышал последнюю фразу. Расслышал и усмехнулся. Ишь ты – «наконец»! Можно подумать, Спайдер тут три года ржавел безо всякого дела. А ведь кровавое столкновение с белоглазыми закончилась совсем-совсем недавно. И трех недель не прошло. Победили тогда. Во многом – благодаря Лексе, благодаря Черному полю. Ну и, конечно, дрались отважно – чего уж!

Приведенный в боевую готовность гарнизон форта ошетинился винтовками, пулеметами и зенитными пушками времен Второй мировой, появившимися здесь благодаря Черному полю и его Мастеру. Рыжий, с веснушками, парнишка в черном бушлате с нашивками десятника, встретив начальство у пирса, торопливо доложил обстановку.

– Значит, обстреляли, Рэм? – глядя в море, переспросил Кирилл. – И куда ушли?

– На север, к старым хуторам. – Десятник нахмурился. – Я уже телефонировал.

– Хорошо.

Часть людей сотник отправил на северную оконечность острова – усилить форты Шанц и Риф, с юга и запада Кронштадт всегда был защищен куда лучше: не только мощными орудиями старых фортов, но и минными полями. С юга и запада остров было не взять, а вот север...

Север до сих пор требовал немалых вложений. Форт Шанц начали ремонтировать еще летом, да совсем недавно разжились оружием, с помощью Черного поля перетащив его из давних времен. В основном зенитные пушки, пулеметы... уж что нашлось. Самое страшное было то, что имеющиеся боеприпасы кончались, а копировать новые было нечем – Синее поле уничтожили предатели. Снаряды, патроны – это была проблема, приходилось экономить.

Оставшееся на острове Черное поле, конечно, было способно восстанавливать предметы путем перемещения их по временной линии к точке создания, но делало это весьма капризно. Мастер Полей Алексия откровенно мучилась, уставала, даже исхудала вся. Хотя, казалось, куда уж больше худеть-то? Кир переживал за девчонку – хорошо были известны случаи, когда даже опытные Мастера во время работы просто умирали возле Черных полей без видимой причины либо уходили в них, пропадая бесследно.

– Вот они, Кир! – забыв про субординацию, Рэм указал рукой в море.

Сотник вскинул к глазам бинокль, заметив появившиеся с севера приземистые силуэты судов. Самоходные баржи. Корабли береговой швали. Молодой человек презрительно скрипел. Ишь ты, снова собрались в набег! Мало тогда получили? Что ж, получают еще. Огребут – успокоятся.

– Орудия – к бою! – взяв командование в свои руки, быстро приказал Кирилл. – Старшина – растянуть людей цепью. Там, за кустами, где Спайдер. Бить по возможному десанту. Готовьтесь. Все.

Люди Рэма управлялись с зенитками довольно ловко: подтаскивали зарядные ящики, что-то крутили, направляя стволы параллельно земле.

– По курсу... Огонь! – Опустив бинокль, сотник махнул рукой и по привычке зажал уши. Зенитки, конечно, не рвут воздух так, как крепостное орудие Кранке... да уж слишком близко он к ним стоял.

Рывкнула очередь... Вспенились возле самоходных барж пенный буруны. Предупредительный залп сделал свое дело – вражеские суда замедлили ход, отвернули...

– Уходят! Уходят!

– Вот так вот, – довольно улыбнулся Кир. – Вот так.

Улыбнулся и бросился в каземат, к телефону...

– Форт Шанц? Как слышишь меня, Шанц? Как слышишь? Что?!

Кирилл опустил трубку и повернулся к обступившим его десятникам:

– Они повернули к Шанцу! Там справятся... Но помощь не помешает. Рэм!

– Да, господин сотник?

– Отправь вестового к Спайдеру, пароль «Апокалиптика». Пусть срочно перебазироваться к Шанцу.

Не прошло и минуты, как боевой робот, ломая гусеницами кусты, покатил прямо через болото. Мимо старого кладбища, к недостроенному форту Шанц. Подумав, Кирилл отправил туда же еще три взвода. Так, на всякий случай.

– Они возвращаются, Кир! – всмотревшись в море, рыжий десятник Рэм отчаянно замахал руками. – Возвращаются... Поворачивают... Идут прямо на нас!

– Целься! – Сотник вскинул к глазам бинокль, увидев приближающиеся вражеские суда. Узкие, низенькие – хрен попадешь. Разве что подпустить уж совсем близко... Интересно, сколько бойцов могут нести эти баржи? Сто? Двести? Да сколько бы ни было! Справимся. Правда вот – какой ценой? Если они спустят шлюпки...

Так и есть! Спустили! Одна, две... десять... Что ж, бой так бой. Рота рассредоточена, все берега прикрыты...

– Огонь!

Вновь загрохотали зенитки. Им вторили пулеметы, а вот, чуть погода, грянул винтовочный залп. Мелкокалиберные зенитные снаряды и пули в большинстве случаев пролетали мимо целей, однако иногда и попадали – одну близко подошедшую шлюпку просто разнесли в щепки! И сразу отметили первую удачу громким, прокатившимся по всей цепи криком «ура»!

Опершись на бруствер, Кирилл улыбнулся: вот так вам! Как говорили в старину, кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет.

Где-то в стороне, уже ближе к кладбищу, перевернулась еще одна лодка... и еще одна... Самоходные баржи врагов резко застопорили ход, словно задумались. Сотник сразу же отдал приказ прекратить огонь – боеприпасы следовало экономить.

«Задумчивые» вражеские баржи попятились, врубив «полный задний». Понеслись к ним обратно и шлюпки. Натолкнувшись на неожиданный отпор, враги, как видно, сочли за лучшее отойти. И правильно!

– Прочесать берег! – глядя на суда, тающие в зыбкой туманной дымке, распорядился сотник. – От кладбища до форта Шанц. Смотреть внимательно – мало ли какие там могут быть сюрпризы.

Да, извечные враги кронштадтцев – береговые пираты – всегда были скоры на самые гнусные выдумки. Не изменили они себе и на этот раз. Хоть десант и не высадили, но кое-кого все же забросили: не прошло и получаса, как вестовой от взвода разведки уже доложил о пойманных болотниках. Одного просто пристрелили, другого удалось взять в плен, и Кирилл не отказал себе в удовольствии допросить «языка».

Крупнее человека раза в два, с перепончатыми лапами и широкой, усыпанной острыми зубами пастью, существо разъяренно щерилось и пыталось сбросить путы. Ни на какие разговоры пленный не шел – не хотел, а может, был настолько тупой и дикий, что вообще не умел говорить. Помучившись с ним минут десять, Кир махнул рукой:

– В расход!

Приказ был исполнен тут же, за бруствером. Залп – и сброшенная с кручи окровавленная туша мутанта медленно погрузилась в море.

Не успел труп врага утонуть, как вестовой доложил о плотоядных моллюсках и плющих-удавах.

Кирилл лично возглавил поиск. Растянувшаяся в несколько цепей рота тщательно прочесывала каждый метр. На старом кладбище обнаружили – и тут же уничтожили – пару живоглобов – плотоядных моллюсков размерами с тележное колесо. Небольшие и вроде бы для человека не опасные. Пока не опасные. Но ведь эти твари замаскируются, переживут зиму, а к лету вырастут да еще размножатся... Купаться тогда будет опасно, очень опасно. И не только здесь, на северных пляжах. По каналам, по ручьям, по болотам живоглобы могут добраться куда угодно. Затаятся, настроятся на мысли ничего не подозревающей жертвы, парализуют токсином... Для детей – настоящее бедствие. Заманят, сожрут – живьем переварят.

– Смотреть внимательней! Искать! Ах, твари.

Кирилл запоздало пожалел, что не прихватил с собой огнеметный взвод. Для выжигания всякой затаившейся мрази ранцевые огнеметы пришлось бы куда как кстати. Впрочем, с зарядами для них дела обстояли так же, как и с боеприпасами.

Часа за два рота тщательно обыскала все кладбище и начала продвигаться к Шанцу. Глянув в светлое небо, сотник довольно кивнул – до наступления темноты вполне успевали, укладывались. Ничего, еще отыщем тварей! Лишь одно вызывало смутную и пока еще не до конца осознанную тревогу, некая странность. Зенитки уничтожили две лодки... и что же, никто из вражеских воинов не добрался до берега? Все утонули? Странно. Ведь хоть кто-то, да должен был добраться, береговые мутанты – твари живучие. Да, наверняка добрался и сейчас затаился, спрятался... Искать! Как можно внимательнее смотреть везде! Под каждым кустом, у каждой

болотной кочки. И не забывать про старые хутора. Туда, к заброшенным рыбацким хуторам, Кирилл вскоре и отправился. Правда, никого не нашел.

* * *

Пока все несущие вахту кронштадтцы искали врагов на северной оконечности острова, на юге, в Угольной гавани, подвалил к старому причалу старый двухвесельный ялик. Часовой, мальчишка лет четырнадцати, поправив на вихрастой голове бескозырку, сдернул с плеча винтовку, и, напустив на себя самый суровый вид, грозно скомандовал:

– Стой, кто идет!

– Свои! Глаза-то разуй, чудо.

Сидевший на носу лодки молодой поджарый мужчина бросил на причал веревку и недовольно буркнул:

– Чем болтать, прими лучше конец. Наплодили вас на нашу голову. Рыбку ловить никто не хочет. Уж конечно, куда лучше с винтовочкой вот этак стоять.

– Так вы рыбаки, что ль? – Машинально схватив брошенную веревку, часовой забросил винтовку за спину и ловко привязал конец за ржавый, торчащий тут же кнехт.

– Рыбаки, кто же еще-то? – Мужчина легко выскочил на причал и неожиданно улыбнулся. – Ну, ты это... извини, если что не так. Мы за углем... черт, куда ж я накладную дел? Неужто дома оставил? Вот старый дурень, ага... Вас, кстати, много здесь? А то помогли бы мешки-то таскать. А мы б вам рыбки, ага. Вкусная рыбка-то.

На смуглом, с резко очерченными скулами, лице рыбака играла самая дружелюбная улыбка. Вообще, он был приятный тип, обаятельный... если б еще не шрам на левой щеке. Странный такой, зигзагом. Словно кто-то мазнул когтем... А может, и мазнул! Мало ли в море чудовищ?

– Вдвоем, говорите... Случайно, не с Мишкой Кастрюлей?

– Не, не с Мишкой. С Лехой Чугунком.

– С Лехой?! Вот те на! Так я ж отца его знал! Давай, зови своего дружка живо. Сейчас вам рыбки отсыпем... Давай! Тебя самого как зовут-то?

– Игнат.

– Ишь ты – Игнат! Знавал я одного Игната... Ну, зови, зови, что стоишь-то?

Леху убили сразу же, едва подошел. Один из гребцов, здоровенный парняга с широким красным лицом. Пошел, улыбаясь, навстречу, да, улучив момент, ударил ножом в сердце.

А юный раззява-часовой Игнат в этот момент уже был в лодке, склонился...

– Ты выбери рыбку-то...

И получил могучим кулаком по затылку. Упал.

– Вяжите его, – приказав, человек со шрамом быстро потрогал парнишке пульс и облегченно вздохнул. – Хорошо, не убили.

– Да ты что, Йован! – обиделся второй здоровяк, гребец. – Да как можно-то. Ты ж сказал – тихонечко, вот я и...

– Тихо! – Йован прищурился, внимательно осматривая гавань. Старый причал, полуразрушенные пакгаузы. Никто их особо не охранял, так, для порядку больше. Вот юнцов и ставили. – Вот тот кирпичный амбар вполне подойдет... Тащите.

* * *

Алексия вытащила из стопки конверт с виниловой пластинкой. Красивый, древний – с глянцевым изображением какой-то старинной музыкальной группы. Вытащила пластинку,

полюбовалась... и со вздохом убрала обратно. При всем желании все равно не послушать. Электричество нынче в Кронштадте экономили, генератор включали редко. Да не только электричество – все экономили. Синего-то поля, увы, больше не было, а с Черным... С Черным отношения были сложные. Словно дикий, едва-едва прирученный зверь, оно то ластилось, исполняя все пожелания Мастера, то вдруг неожиданно показывало норы. И еще – просо высасывало все жизненные силы! Словно вампир. А позавчера, общаясь с Полем, Лекса вдруг сильно захотелось уйти, окунуться в эту зовущую зловещую черноту... уйти, чтоб никогда больше не возвратиться! Удержала ее только любовь. Кир... милый Кир...

С легкой улыбкой девушка подошла к висевшему на стене зеркалу. Стройная фигурка... пожалуй, даже слишком стройная. Какое-то осунувшееся, исхудавшее лицо. И эти ужасные синяки под глазами! Даже вчерашняя настойка из лопуха-зобуха не помогла. Зато веснушки пропали – нет худа без добра! И глаза... измрудно-зеленые, сверкающие, они сейчас казались еще больше... эти глаза так нравились Киру!

А вот волосы... подстричься, что ли? Или оставить как есть? Вообще-то они красивые – золотистые, густые, мягкие... Только вот мыть надо почти каждый день, воду греть. Впрочем, все равно самой мыться, не ходить же грязной, как некоторые...

И ведь исхудала. Исхудала, да. Хорошо, хоть Киру именно такие худышки и нравятся.

Закусив губу, девушка приподняла тельняшку, обнажив плоский животик с темною ямочкою пупка. Камуфляжные брюки ее едва держались на бедрах... Исхудала, да...

– Лекса, привет! Ой...

Внезапно возникший в зеркале мальчишка лет двенадцати смущенно замолк. Он чем-то походил на саму Алексию: такой же светловолосый, зеленоглазый, худой. Двоюродный или троюродный братец. Родственник. Нашелся, кстати, совеем недавно, сам. Честно говоря, Лекса его плохо помнила... но все же помнила и была рада: все ж, кроме Кира и Спайдера, еще одна родная душа.

– Привет, Серж. Заходи!

– Ты, вроде, переодеваешься...

– Да нет, просто смотрю.

Ничуть не стесняясь, девушка провела рукою по бедрам:

– Я слишком худая?

– Да нет, не слишком, – весело улыбнулся Серж. – Ты, вообще-то, красивая. Знаешь, я рад, что у меня такая сестра!

Подойдя ближе, парнишка обнял сестрицу сзади и тут же в смущении отскочил.

Алексия хмыкнула:

– Да что ты все стесняешься-то? Чего пришел? Если пластинки послушать, то – увы, электричества сегодня нет.

– Я не пластинки... По делу! – Спohватившись, мальчишка поправил бушлатик и, напустив на себя крайне важный и деловой вид, сообщил:

– Председатель Кир будет ожидать тебя к вечеру в Чумном форте. Хочет немного поработать с Полем.

– Ах, это он хочет поработать? – язвительно скривилась девушка. – Ну-ну.

– Так что телефонировать?

– Что-что... То и скажи – приду.

– А можно... – Серж на секунду замялся, опустив глаза. – Я давно хотел попросить... Можно и мне с тобой? Хоть одним глазком взглянуть, а? На это Черное поле.

– Ничего интересного, – отрезала Лекса. – Поле как Поле, чего на него смотреть-то?

– Ну, пожалуйста. Я просто...

- Похвастался уже кому-то? Будто бы видел... Соврал!
- Ну, понимаешь... есть одна девчонка...
- Ага – девчонка...

Серж смотрел столь умоляюще, что, казалось, вот-вот расплачется, вот-вот упадет на колени. Да и, верно, упал бы. Только Алексия не дала – в конец-то концов, сердце ее было не из камня.

- Ладно, так и быть, возьму. Будь готов к вечеру! Ты сейчас на вахте?
- Сдал уже!
- Тогда поди поищи дров.

* * *

Игнат пришел в себя в старом паγκαузе. Раздетый по пояс, со связанными за спиной руками. Сквозь дыру в крыше внутрь проникал мертвенно-бледный дневной свет.

Ощувив сильную боль в затылке, мальчишка застонал и зашевелился.

– Очнулся, дружок? – участливо осведомился смуглый мужчина с красивым лицом и шрамом на левой щеке. – Вот и славненько. Голова не болит?

– Развяжите меня... – сквозь зубы пробормотал Игнат. – Я часовой!

– Знаем, знаем. – Незнакомец – тот самый рыбак! – нехорошо усмехнулся и переглянулся со своими напарниками – двумя мерзкими с виду здоровяками. Или – не мерзкими, а вполне обычными. Просто Игнату так показалось, что мерзкими, – ситуация складывалась такая. Нехорошая, прямо сказать, ситуация, да.

– И дружок твой, Миша, – тоже часовой... Был. – Человек со шрамом вдруг резко вытянул руку и, ухватив пленника за подбородок, повернул ему голову влево. – Глянь!

Игнат взглянул и тут же вскрикнул, непроизвольно закрыв глаза от отвращения и ужаса. Слева от него, в углу, сидела большая голая кукла... впрочем, не голая и не раздетая – на ней даже кожи не было! Лишь кровоточащие мускулы, жилы да белеющие белки глаз! Не кукла, нет... Кусок мяса!!!

– Ты дружка-то своего признал? – под хохот сотоварищей поинтересовался «рыбак». – Он, бедняга, мучился, да. Вместо того, чтобы просто с нами поговорить. Ты ведь не такой молчун, верно? Мы ведь ничего такого секретного не выспрашиваем. Просто кое-что выясняем, ага... Ну, так что скажешь? Хотя сначала скажу я.

Человек со шрамом вдруг вытащил нож, блестящий и, по всей видимости, острый. Вытащил и легонько провел лезвием по груди пленника, оставив узенькую полоску, царапинку, сразу же начавшую сочиться кровью.

– Это только начало, мой юный друг. Сейчас я сниму тебе кожу с живота, потом – разрежу спину и займусь позвоночником. Это весьма неприятно, ага. Я скажу больше – больно. Очень больно, мой друг. Эта невыносимая боль проникнет в твой мозг, полностью поглотит все твои мысли. Все до единой. И ты сойдешь с ума, превратишься в овощ, прежде чем умрешь. А умирать ты будешь долго – это я тебе обещаю. Долго и мучительно. И будешь громко кричать и ругаться... Впрочем, наверное, я все ж первым делом отрежу тебя язык! Знаешь, не люблю ругани, всяких дурных слов. Они мне противны, знаешь ли. Так что давай язычок...

Каким-то неуловимым движением «рыбак» хлопнул ладонью по челюсти несчастного узника, так, что рот Игната открылся... И нож уперся в язык!

- Ну, отрезаем?
- Не-е-ет!!!!

Яростный протестующий крик сам собой вырвался из груди мальчишки. Парень не хотел умирать, тем более – так жутко и больно.

- Не надо, нет...

– Так ты поговоришь с нами? И мы не станем тебя убивать, клянусь честью. Но не отпустим – предупреждаю сразу. Просто оставим тебя здесь. Связанного.

Хрипловатый голос врага звучал задушевно и доверительно, как голос самого лучшего друга. Темные глаза смотрели прямо и как-то по-доброму, уж точно – без злобы.

– Так что скажешь, дружище? Поговорим?

– Д-да...

– Что-что?

– Да! Да! Да!!!!

Игнат рассказал врагам все. Тем более, человек со шрамом не обманул – и в самом деле, ничего такого секретного он не выспрашивал. Просто поинтересовался Черным полем и его Мастером – Лексой. Что она за человек, да где живет, да есть ли родичи. Да где любит гулять. Ах, каждый день ходит на пристань. А потом на лодке к Чумному форту? Надо же – к Чумному! Отчего такое название? Хотя это уже ни к чему...

– Ну, вот и хорошо, мой юный друг! – поднявшись на ноги, со всем своим обаянием улыбнулся Йован. – Вот мы и поговорили. Прощай.

Плавное движение руки... словно бы «рыбак» решил почесать шею. И сверкающий клинок, неслышно прошелестев в воздухе, воткнулся подростку в грудь.

– Вот и хорошо. – Выдернув нож, Йован Рыбак тщательно обтер клинок о брюки только что убитого часового. – Вот и славненько.

* * *

Когда Алексия и ее братец вышли из дома, уже смеркалось. Сопровождавшие их воины – матросский патруль – освещали путь зажженными факелами. До пирса идти было не так уж и долго – от силы минут сорок, а то и вообще с полчаса. И кругом были свои, кронштадтцы. Но, тем не менее, Кир, как председатель Совета, настоял на охране. Негоже Мастеру Полей шастать без сопровождения, как простой, никому не нужной девчонке! Ладно, когда гуляет просто так или идет куда-то по своим личным делам... Однако ежели по служебным, то вот вам, извините-пожалуйста, сопровождение, охрана.

Впрочем, и к лучшему. Братишка Серж вот в первый раз напросился, а так – вчетвером-то куда веселее. Трое патрульных и она, Лекса. Обычно все смешливые парни попадались, трепали языками о том о сем. Так что шли не скучно. Да и потом – до Чумного-то форта на ялике – все самой не грести. Алексия, хоть и боевыми единоборствами занималась – под руководством Кирилла, кстати, – а все ж веслами-то ворочать дело не девичье. Да и сил в последнее время не было, таяли силы-то. Все Черное поле, будь оно неладно. Все оно!

Нынче шли впятером. Еще Серж прибавился. И все так же весело! С шутками, с прибаутками. С горящими факелами.

Один из патрульных, жизнерадостно-болтливый парень Игорь Сырков, в красках описывал свои вчерашние приключения. Как с друзьями ходил куда-то за Цитадельную дорогу, как встретился им там, в развалинах, хищный плющ-удав. Не до конца, видно, в свое время сожженный огнеметным взводом.

– Короче, он на меня к-а-ак прыгнет! И вот так пастью – клац!!! А я ... а он... а Леха... А мы...

Все ведь, конечно, врал, собака. Ни на кого плющ-удав не прыгал и пастью не клацал. Не змея, чай, – растение. Просто, укрывшись в засаде среди деревьев и кустарников, внезапно хватал жертву, обвивал, ломая кости и выжимая все соки...

– А мы ему оп – и по голове! Камнем.

Алексия закашлялась – голова у плюща, ага, как же!

– А вот мы прошлым летом...

В разговор вступил другой патрульный, помладше. Правда, договорить ничего не успел, а как-то неловко вдруг повалился на колени, упал, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

– Нападение! – живо сообразила Лекса. – Все – по сторонам, факелы – выбросить.

Факелы-то выбросили. Да, зараза, месяц. Показался, выглянул из-за облаков во всей своей пошлой красивости, засверкал, гад!

Да выброшенные в кусты факелы не сразу погасли. Видно было не то чтоб очень уж хорошо, но достаточно. Вполне достаточно, чтоб напасть. Как раз и место было удобное – достаточно безлюдное, глухое. Хоть и близко крепость, а все ж – овраги, деревья, кусты. И узенькая тропинка.

Бесшумно и резко выпрыгнули из кустов четверо. Блеснули в медном лунном свете длинные ножи, сабли...

Болтливый Игорек, надо отдать должное, сообразил, что к чему, быстро. Сорвав с плеча винтовку, и, как на тренировке – коли, ать-два! – насадил на штык здорового мужика!

Такой же здоровяк набросился и на Лексу! Огромный, сильный, словно медведь, и вместе с тем ловкий. Набросился, схватил в охапку – видать, не собирался сразу убить. Захрустели у девчонки все косточки, дыхание сперло... И все же вырвалась Алексия, извернувшись, выскользнула из почти что медвежьих лап. А затем, сразу же, резко вытянув руку, надавила основанием указательного пальца на корень широкого носа.

Заорав от боли, здоровяк запрокинул голову, и девушка быстро ударила его по шее ребром левой ладони... И бросилась прочь...

Да вот беда, кто-то, до сих пор скрывающийся во тьме, похоже, полностью контролировал схватку. Едва Игорь, торжествуя, вытащил штык из тела только что убитого врага, как из кустов прямо ему в грудь прилетела арбалетная стрела. Стрелявший, как видно, целил в сердце. Однако освещенность оказалось недостаточной – всего лишь луна и догорающие на земле факелы. Стрела угодила патрульному в горло. Бедняга недоуменно захрипел, зажимая руками кровавую рану, и тяжело повалился наземь.

Еще двоих убили быстро – ножами. Пользуясь темнотой, набросились сзади, кто-то из врагов просто метнул клинок...

Юный Серж нагнулся, подхватил с земли винтовку, выпавшую из чьих-то рук. Успел ударить прикладом... увы, детских сил не хватило.

Взметнулась вверх вражья сабля... Еще миг, и срубленная голова паренька покатилась бы, подпрыгивая, по кочкам. Однако из темноты прозвучал строгий приказ – не трогать, взять в плен.

Так и сделали. Подобрались, отвлекли внимание, ударили подлю – под дых. Навалились, связали.

Лекса ничего этого не видела – на шее ее затянулась брошенная из кустов ременная петля. Такие используют охотники, когда хотят поймать зверя. Девушка захрипела, пытаясь стянуть петлю руками... и, теряя сознание, упала в густую, выросшую после недавних теплых дождей траву.

– Эй, эй! – прозвучал во тьме недовольный голос. – Вы ее не придушили, часом, ага?

– Нет, Йован. Жива!

– А мальчишка?

– Тоже. Так что, обоих в лодку?

– Обоих...

Послышался приглушенный смех. Потом – плеск весел. И снова голос:

– Отлично прошло, друзья мои. Вот и хорошо, вот и славненько.

Погоня

Кирилл добрался до Чумного форта еще затемно. Даже домой не заходил, уж больно хотелось побыстрее увидеть Алексея, поговорить. Да-да, именно поговорить – и не о каких-нибудь там чувствах, а о деле. Если уж быть честным перед самим собой, то в чувствах своих к Лексе Кир еще до конца не разобрался. Конечно, он любил эту девушку. Но, скорее, как младшую сестренку. Лишь в последнее время зашевелилось в душе нечто такое, что уже можно было бы назвать несколько иначе. Да и Алексия изменилась за последнее время: резко повзрослела, похорошела... правда, в последнее время вдруг похудела, осунулась. Это было заметно, и сотник прекрасно знал причину. Поле! Проклятое Черное поле высасывало из девчонки все соки!

Надо было что-то делать – Кир именно об этом и хотел поговорить. С одной стороны, не работать с Полем Алексия не могла, она же – Мастер! Единственная, кто мог хоть как-то управляться с этой поганой черной субстанцией, весьма непредсказуемой и своенравной.

Однако, с другой стороны, – все это могло закончиться весьма печально. Решения сего вопроса Кирилл толком не знал. Как Председатель Совета Выживших он должен был заставлять Мастера работать с Полем, что было жизненно необходимо для безопасности крепости. А как человек, которому Мастер Полей Алексия была весьма безразлична, – поступить совершенно наоборот, запретить все рискованные эксперименты с Полем. Или хотя б уговорить девушку сделать небольшой перерыв.

Так или этак? С точки зрения личности и чувств, несомненно – отговорить, спасти! Так. А вот как с позиции человека, облеченного нешуточной властью и отвечающего за всех?

Вот и мучился Кир, не знал, что делать, все ж склоняясь к тому, что нужно уговорит Лексу отдохнуть. Хоть чуть-чуть. Немножко.

Форт Александр Первый, прозванный Чумным, встретил сотника своей обычной угрюмостью. Приземистый, зализанно-овальный, он вдруг показался Кириллу магнитом, притягивающим человеческие жизни, словно железные опилки. Притягивающим и пожирающим. Еще в давние довоенные времена в форте размещалась лаборатория по исследованию различных заразных болезней, с тех пор и прозвище – Чумной. И, в полном соответствии с названием, совсем недавно именно из Чумного форта надвинулась на Кронштадт страшная эпидемия, очень быстро выкосившая всех взрослых людей. Именно здесь, в Чумном, властвовал злоеций Черный Мастер... родной отец Лексы.

Очень непросто было с ним справиться, тем более, дело осложнилось предательством и вторжением многочисленных врагов. И, тем не менее, кронштадтцы выстояли, не сломились! Справились и с Мастером, и с эпидемией, и с врагами. Справились тогда, справятся и теперь. Взять хоть вот этот – последний – штурм. Хотя, если разобраться, штурма-то никакого не было. Натолкнувшись на мощный отпор, враги повернули обратно. Испугались? Или так и было задумано, чтобы от чего-то отвлечь? Береговые мутанты – твари хитрые, вполне могли придумать какую-нибудь очередную пакость. Какую?

Или – все проще? Просто решили отойти, подкопить сил и, выбрав момент, повторить нападение снова. Однако если так, то следующий набег мог быть только в середине зимы – по крепкому льду или поздней весной, когда лед в заливе растает.

Ноябрь же нынче стоял очень уж теплый. Постоянно дождило, выпавший было снег растаял, пошла в рост трава, на кустах и деревьях набухали почки. Вот-вот и листья пойдут. Впрочем, вряд ли успеют. Скоро декабрь все-таки. Поменяется ветер, и все. Вместо оттепели вот вам, пожалуйста, заморозки да снегопады.

Выпрыгнув из лодки, Кирилл поблагодарил гребцов и, повернувшись, поднялся по широким ступенькам крыльца к небольшим воротам. Смеркалось, у ворот, потрескивая, горели факелы, отражаясь в старинных чугунных пушках.

Часовой, конечно, узнал сотника, однако сделал все по уставу. Выставив вперед винтовку, окликнул, сурово сдвинув брови. Услышав пароль, кивнул, крикнул, чтоб открывали ворота.

Кирилл не любил это место. Да мало кто любил. Темные, нескончаемо гулкие коридоры, лишь недавно освобожденные от набитых опилками трупов, казалось, пропахли человеческой кровью на века. Еще месяц назад здесь был устроен зловещий музей – любимое детище Черного Мастера. С людей заживо сдирали кожу, делали чучела, одевали в старинные одежды... Такое вот развлечение! И лишь победа кронштадтцев над черными силами Зла положила этому конец.

Нынче в бывшем «музее» был устроен склад. Ящики с винтовочными патронами, остатки орудий, части пулеметов, снаряды... даже банки с тушенкой – все то, что намеревались восстановить с помощью Черного поля смерти. Спасибо Алексии – хоть что-то получалось.

Пройдя мимо ящиков, молодой человек кивнул часовому и, миновав обнесенный металлическим парапетом колодец с Полем, прошел в комнату отдыха. Это небольшое помещение было обставлено так, как хотелось Мастеру Полей. Конечно же, тем, что нашлось в форте. Старинная мебель из темного дерева – шкаф, два шифоньера, буфет, удобная кушетка, два массивных кресла, уютный овальный стол с полудюжиной стульев. В бронзовых канделябрах вместо свечей горели лучины – уж этого добра имелось в достатке. Брали топляки, лущили – правда, копоть и неровный, какой-то рваный свет. Но хоть какой-то. Электричество экономили давно, а восковые свечи стоили у маркитантов весьма недешево. Черное же поле использовали только для самого насущного. Снаряды, патроны, тушенка...

Сняв бушлат, Кир повесил его на старинную витую вешалку и, подойдя к шифоньеру, погладил старинный проигрыватель, называемый еще – «патефон». Сей древний музыкальный аппарат вовсе не требовал электричества. Достаточно было завести специальной ручкой пружину, поставить пластинку – и вот вам, пожалуйста, музыка! Слушайте, наслаждайтесь, танцуйте.

Наверняка и сейчас здесь какая-то древняя, со времен патефонов, вещь... Кирилл взял в руки черный виниловый диск... IRON MAIDEN... Так и есть – что-то невообразимо старое. Под такую музыку, верно, танцевали дамы в длинных шуршащих платьях, и галантные кавалеры в черных сюртуках азартно играли в карты. В «очко». Или в «буру». Да много было старинных салонных игр. Называлось – «резать в карты».

Как и всегда осенью, в комнате витал какой-то сырой и промозглый дух. Молодой человек пожег и, взяв лучину, поджег аккуратно сложенные в камине дрова. Запасы топляка, еще летом высушенного солнцем и ветром, в Чумном имелись в избытке еще со старых времен. И на дрова, и на лучины хватало, не жаловались. Поддерживать огонь, а пуще того – свет, во всех используемых помещениях форта входило в обязанности дежурной смены. Один из таких вахтенных уже успел заглянуть сюда, зажег лучины, заботливо приготовил дрова. Ждали Мастера Полей. Алексия должна была вот-вот явиться. Ну, может, еще пол-часа-час.

Подняв глаза, Кирилл посмотрел на часы, стоявшие в шифоньере, на полке. Вычурные, свидетели седой старины, с золочеными стрелками и голубым циферблатом, они показывали десять минут седьмого.

Ничего себе, пролетело времечко! Пожалуй, пора б уже и появиться Мастеру Полей. Что-то запаздывает нынче Алексия, задремала, что ли? Хотя эта девушка никогда не спала днем, но в последнее время так уставала, что вполне могла и вздремнуть. С книжкой в руках, в библиотеке.

Телефонировать? Разбудить? В библиотеке есть телефон, как и в любом общественном месте. Совсем недавно установили, оборудовали все, отыскав на складах старую телефонную станцию и приспособив к ней небольшой, работающий на дровах, генератор. Чтоб связь была всегда.

Нет, пожалуй, не стоит звонить, пусть девчонка поспит, пусть отдохнет немного. И так уже кожа да кости.

Опустившись в кресло, сотник вытянул ноги и прикрыл глаза... Вдруг вспомнилось, как танцевали с Лексой на балу, устроенном Советом Выживших в честь славной победы над бело-глазыми. Как девушка прижималась к нему, как смотрела... Какой радостью и неподдельным счастьем сиял изумрудный взор! И как он, Кирилл, все это старательно игнорировал – он же Председатель, да! Какие там чувства... Тупой сухарь! Хорошо, что Алексия не обиделась. Она вообще, кажется, на него не обижалась. Никогда. А вот на иных...

Кир вдруг вспомнил своего бывшего закадычного друга, Дэма, пошедшего на предательство ради любви. Ради любви к ней, к Алексии, к Лексе! Правда, он не пользовался взаимностью... и ныне был мертв. Зато прекрасно себя чувствовал боевой робот Спайдер, ничуть не скрывавший своей влюбленности в Лексу! Девчонка тоже благоволила роботу... нашла себе дружка – чертову железяку! На почве любви к древней музыке спелись...

Вздрогнув, Кирилл вдруг расхохотался. Громко, во весь голос. Смеялся над собой, чего уж. Вот ведь, приревновал! Приревновал Лексу к старому ржавому сундуку. Ай-ай-ай! Вот тебе и «сестренка»... Да нет, не «сестренка». Любимая! Уже можно и так сказать, особенно после того, как... Ну, ведь было же между ними, было!

Случайно глянув на часы, молодой человек вдруг ощутил беспокойство. Девять часов вечера, а девчонки все нет! С чего б она так припозднилась? Обычно являлась рано, еще затемно. Активность Черного поля в последнее время повышалась лишь вечером, к ночи. Тогда Алексия с ним и работала – разговаривала, погружалась... И не опаздывала никогда.

Не выдержав, молодой человек прошел в помещение начальника караула, позвонил сначала в библиотеку, потом – на вахту объединенных в товарищество домов. В библиотеке никто не ответил, на вахте сказали, что девушка Алексия вышла из дому часа три назад. Не одна, а как полагается, с патрулем. И еще мальчишка с ней был, Серж, какой-то родственник.

На сопровождении патрульных Кир настоял совсем недавно, но весьма решительно. Шутка ли – молодая девчонка шляется в темноте одна, мало ли что может случиться? Лекса поначалу восприняла идею в штыки, а потом ничего, привыкла. Ей даже понравилось – со спутниками-то все веселее идти. Да и куда безопасней.

Поговорив с вахтенным, Кирилл, не раздумывая, объявил тревогу. В Чумном форте срочно завели генератор, на стенах один за другим вспыхнули прожекторы, обшаривая лучами округу. Забегали несущие вахту моряки, Кирилл срочно спустился к шлюпке.

Патрульную лодку обнаружили там, где ей и надлежало быть, – у причала близ ведущей к форту «Петр Первый» насыпи. На «Петре» тоже зажгли прожекторы да принялись раскошегаривать патрульный катер. Из высокой трубы уже повалил дым, когда из разъездной шлюпки выпрыгнул на причал лично возглавивший поиски сотник.

Патрульная лодка, казалось, просто ждала. Никто ее не отвязывал, не трогал. Тяжелые, выкрашенные в красный цвет весла спокойно лежали вдоль бортов.

– Может, они другую лодку взяли? – нерешительно промолвил кто-то из бойцов.

– Другой тут нет, – покачал головой комендант «Петра», невысокий, с заметной рыжиной, парень. – Этой всегда пользовались. Она за ними и закреплена была. Нет, не могли другой. Незачем.

Подумав, Кирилл выстроил несколько взводов цепями – друг за другом, приказав прочесать весь путь от крепостных ворот до пирса.

Вспыхнули факелы, отразились в золоченых пуговицах на бушлатах.

– Вперед! – скомандовал Кир. – И будьте внимательны. Время от времени останавливайтесь, слушайте ночь. Может, услышите стоны...

Трупы патрульных обнаружили минут через десять. В растущих вдоль тропинки кустах, недалеко от пирса.

– Это – Игорь, – глядя на мертвое тело, кто-то из моряков поднял факел повыше. – Хороший парень... был. Какая ж сволочь его...

– Господин сотник! Здесь еще убитый!

– И здесь...

Неведомые враги торопились. Даже не спрятали как следует трупы. Не сбросили в море, просто оставили в кустах. Значит, не намерены были возвращаться, значит, всерьез рассчитывали уйти.

– Прочесать все еще раз! – громко распорядился Кир. – Искать...

Взяв у проходившего матроса факел, он и сам внимательно осматривал каждый куст, каждую развалину, оставшуюся со времен Последней войны. И, холодея в душе, ждал крика: «Нашли!» Это означало бы – Лекса. Убитая Лекса. Или Серж... Или оба вместе... Кому и зачем нужно было их убивать? Пакостили береговые твари, понятно. Не вышло напасть, так пусть хоть так. Избавить кронштадтцев от Мастера!

Да, но тогда они должны были много чего знать. Значит, в гарнизоне есть предатель... предатели...

– Ничего, господин сотник! Мы обследовали здесь все...

Расталкивая собравшихся, к председателю пробрался посыльный:

– Я с форта «Петр». В море замечено судно! Уходит на север.

– Как патрульный катер? – быстро осведомился Кир.

– Стоит под парами. Ждем ваших указаний, господин сотник.

– Нечего больше ждать... Вперед!

Комендант форта «Петр Первый», однако же, высказался против. Неведомый чужой корабль уже исчез из лучей прожекторов, ушел, растворясь в ночи. Ничего не поделаешь, нужно было ждать утра...

Ах, как ждать-то?! Когда в душе злая тревога, а сердце бьется так, что вот-вот выскочит из груди? Алексия, Лекса... милая... неужели ты... Нет, ее не убили, нет! Конечно, похитили, ведь Мастер Полей – ценность. Твари! Подлые береговые твари! Рейд... внезапный рейд! Накрыть их всех одним махом...

Так в отчаянье рассуждал Кир... и понимал, что ничего не выйдет. Накрыть «одним махом» береговых мутантов просто не хватит сил, не столь уж их у Кронштадта и много. Накрыть не выйдет, нет... Однако выслать погоню, догнать, а уж там что-то придумывать – отбить или выкупить. Но сначала – догнать. Скорей бы утро!

До рассвета кронштадтцы успели многое. Благо, светлело в конце ноября поздно, часов в девять. Первым делом собрали Совет Выживших на чрезвычайное заседание, и Кирилл решительно настоял на том, чтобы возглавить поиски самому, переложив полномочия на заместителя – смешливого, но умного сотника Балтазара. Это решение было поддержано большинством голосов, в чем Кир, честно сказать, и не сомневался. Похитить Мастера Полей! Неслыханная наглость. Береговые муты должны быть наказаны! Должны.

Получив все необходимые полномочия, молодой человек тут же развил самую бурную деятельность: кому-то звонил, с кем-то встречался, будил – ведь на дворе-то стояла ночь.

К утру команда была собрана. Из всех тех, кому Кир доверял, кого давно знал. Из тех, кто был нужен.

Рэм и Ники, старые друзья и соратники, явились сразу же. За ними последовал дамп Джаред Хорг. Да, наверное, от длинного меча этого страхолюдного чудища в морской погоне было бы мало пользы. Хотя как знать... Тем более, Хорг был опытным воином и верным другом. А верность немало значила, тем более, если погоня вдруг затянется надолго.

Дело стало за кораблем. Паровой катер был слишком мал для предстоящей схватки и, кроме кочегара и кэпа с помощником, мог принять на борт человек пять-семь. Иное дело – самоходная баржа, имелась у кронштадтцев и такая. Однако была проблема с двигателями, точнее – с горючим. Его оставалось в обрез.

Если поиски затянутся, каждый боец будет ценен, каждый патрон, каждая винтовка, не говоря уже о пулеметах, которые Кирилл тоже желал прихватить с собой. Хищные береговые твари понимали только силу, именно с позиции силы и можно было с ними общаться. Только так.

Поэтому баржа была очень нужна. Кстати, не менее нужным был еще один человек, точнее – нечеловек. Так, некое весьма неприятное существо, именуемое шамом по имени Наг. Между прочим – старый приятель Кирилла. Наемник, тип весьма отталкивающий, но хитрый, умный и, самое главное, – умеющий влиять на других и читать чужие мысли. Да и вообще много чего умеющий. Поставить туман, отвести глаза, сбить набекрень мозги... Это все – к шаму. Он поможет. Только платите. И много!

Совсем недавно наемник все же получил обещанное золото и наверняка теперь лишь ждал благоприятного момента, чтобы покинуть остров, поселиться где-нибудь в глуши да жить в свое удовольствие. В этих мыслях шам, ничуть не стыдясь, признался Киру во время последней пьянки... пардон – дружеских посиделок. На прямой вопрос сотника – зачем в глуши золото? – Наг толком ответить не смог и потому злился. Похоже, не знал сам, что ему с золотом делать. В Кронштадте точно – нечего. Тем более – в Санкт-Петербурге. Податься в Москву? Ну, нет – слишком опасно. Лучше уж в глушь. Но в такую... безопасную... и не очень глухую. Чтoб рядом было Поле Полей – базар, рынок, местечко, периодически посещаемое маркитантами, у которых можно всего закупить да жить припеваючи, ни о чем не заботясь. Где бы только место еще такое найти?

Впрочем, в Кронштадте шам отнюдь не скучал – читал всякие справочники да повышал заявленную квалификацию электрика. Именно по этой специальности Наг когда-то и нанялся к кронштадтцам, исходя из своих меркантильных целей. Своего добился – золото получил, и вот теперь не знал, что с этим внезапно свалившимся богатством делать. Накупить молодых красивых рабынь? Так людьми в Кронштадте не торговали. Жратвы повкуснее? Так она здесь у всех была одинаковой – рыба да «прожженные» консервы. Выстроить невообразимо роскошный особняк? Так кто будет строить, когда все служат? Да и вообще, в Кронштадте было не приятно выпендриваться.

Шама пришлось уговаривать. Долго. С полчаса. Пообещать еще золота. Ну и гарантировать безопасность, насколько это было возможно в предстоящем пути.

– Наг, дружище, ты просто посидишь на носу, в пулеметной башне, да пошаришь мозгами, поищешь Алексею. Ну, не мне тебя учить. Ты ведь говоришь, она не погибла?

– Сказал же – нет, – зло огрызнулся шам. – Если б погибла, я бы почувствовал. Видишь, Кир, я тебе не вру.

– Но не хочешь помочь!

– Ага. Чтoб меня там убили?

– Ты что же, боишься?

– Боюсь! Был бедным как мышь – ничего не боялся. А теперь я богат. И этим своим богатством, вполне, кстати, заслуженным, так еще толком и не воспользовался. Деревня у вас тут, Кир! Тупая и скучная деревня!

Шам раздраженно взмахнул глазными щупальцами и тяжело вздохнул. Выглядел он, надо сказать, на человеческий взгляд – отвратно. Этаким уродец с лысой башкой, смахивающей на обтянутый желтоватой кожей мертвый череп. Посередине лба – большой миндалевидный глаз с вертикальным звериным зрачком – этакое всевидящее око. На месте глазниц – тонкие нервные щупальца, довольно противные и мерзкие. Нос – да, не подкачал, как говорили в старину – классический греческий профиль. А под носом – рот. Без губ, просто зубастая дырка. Этаким красавец! Но фигура вполне человеческая, накинёт капюшон – так и не сообразишь сразу, кто перед тобой стоит.

– Вы бы хоть тут кегельбан открыли, – продолжал жаловаться Наг. – Или хотя бы – бар.

– Вот ты б и открыл! – Сотник неожиданно расхохотался, мысленно представив шама в роли кабатчика. Этакого раздобревшего мироеда, с заплывшим жиром лицом (а лучше сказать – харей), с пошлыми таракаными усиками. В лаковых черных туфлях, в полосатом костюме при белой сорочке с разлапистым оранжевым галстуком-бабочкой. С толстой золотой цепью через весь живот. Стоит, паразит, улыбается. А позади – сцена с бегущими разноцветными огоньками. И полуголые девочки пляшут пошлый танец канкан, высоко задирая ноги.

– Па-па-пам-пам-пам... – Кир машинально забарабанил по столу пальцами, напрочь позабыв о том, что шам спокойно читает все его мысли.

– Пам-пам-пам! – неожиданно улыбнулся Наг. – А что? Неплохо. Особенно девочки.

– Тебе и вправду понравилось? – Сотник удивленно воззрился на своего уродливого приятеля.

Тот хмыкнул:

– Говорю ж – неплохая идея. И как она только в твою башку пришла? А что? По весне и открою бар на старой дамбе, у Поля Полей. Там и маркитанты подтянутся, ярмарка будет, базар... И все – продавцы, покупатели – ко мне. Народ валом повалит!

Качнув лысой головой, шам хмыкнул и пошевелил глазными щупальцами:

– Только это... Совет ведь мне в этом деле поможет, да?

Кир улыбнулся:

– Ты поможешь нам...

– А вы – мне, – прищелкнув пальцами, продолжил Наг. – Ладно, хорошо. Я подумаю.

– Некогда думать, дружище! – расхохотавшись, сотник хлопнул собеседника по плечу. – Отправляемся сегодня. С рассветом. Кстати, солярка у тебя на складе не завалилась? Хотя бы пара бочек, а?

Как состоящий на кронштадтской службе электрик, Наг считался материально ответственным лицом и, кроме мастерской имел и склад, порядком-таки захламленный, в котором чего только не находили.

– Солярки нет, – разочаровал шам. – А зачем вам солярка? Катер же на дровах.

Сотник вздохнул:

– Катер – на дровах. А баржа?

– Вы с собой еще и баржу взять хотите? Ммм... – Одноглазый вдруг резко замолчал и задумался, словно пытаясь ухватить какую-то мысль, явно не пришедшую в голову вот сейчас, только что, нет – мысль та была уже не раз обдуманной и весьма нетривиальной.

– Вы этого бездельника Спайдера вместо двигателя употребите.

– Спайдера?! – ахнул Кир. – Но...

– Да не хрен там и переделывать-то! Он и сам справится, вы только его на баржу заманите. Спокойненько будет крутить винт, как сейчас гусеницы свои крутит, – только корми. Еще и музычкой вас развлечет, устанете слушать!

– Спайдер... – тихо повторил председатель. – А ведь неплохая идея!

– А то ж!

– Главное, его и уговаривать не надо, согласится на раз.

Спайдер, конечно же, согласился. Еще бы – спасти обожаемую свою подружку. Пожалуй, что единственного настоящего друга.

Нечто похожее на ревность снова уколола Кирилла в сердце...

А робот уже въехал на баржу, едва на разломав старые сходни, и теперь деятельно командовал моряками, обильно пересыпая речь старинными – и не очень – ругательствами. Куда там боцману!

– Открывайте. Трюм. Вот. Чтоб. Вы. Сдохли! Тысяча. Чертей! Пошевеливайтесь. Раззявы! Кто. Сказал. Что я. Не капитан? Правда. Я – гораздо. Хуже! Говорю ж. Вам. Бездельники. Шевелись! Да. Выкиньте. Вы. Это. Дурацкое. Старье. Пулеметы. И у меня. Найдутся! Нет. Нет. Гусеницы. Снимать. Не надо! Вот... вот так... Крановщик! Мать. Твою. За ногу! Хэви. Метал. Тебе. В зад!

Едва рассвело, отплыли. Катер и самоходная баржа. Паровая машина катера работала на дровах, баржа же покуда шла на остатках топлива. Ее бравый капитан по кличке Степан Заноза, чертыхаясь, терпеливо дожидался превращения боевого робота в судовую машину. А тот не спешил, делал все основательно, спокойно. Подсоединял какие-то штыри, приводы, шестеренки, то и дело подгоняя данного в помощь кузнеца.

Кир ничего этого не видел. Он расположился на носу катера, в пулеметной башне, вместе с шамом. Вспенивая серые волны, катер шел куда быстрее баржи. Валивший из трубы дым стелился над морем черной рассеянной взвесью. В низком, затянутом тучами небе хрипло кричали чайки.

Выйдя из башни, Кирилл приложил к глазам бинокль, увидев дымок по правому борту. Все понятно – похитители прекрасно знали обстановку и обходили остров с севера, стараясь не угодить в минные поля, не подставиться под огонь батарей многочисленных южных фортов. О том, что нужно укреплять северный ряд обороны, на Совете говорилось много, уже начали реконструировать форт Шанц, только начали – время текло неумолимо.

– Капитан! – Опустив бинокль, молодой человек обернулся и махнул рукой видневшемуся в рубке кэпу – чумазому парню в заливхватски сдвинутой на затылок фуражке с «крабом». – Давай быстрее, ага!

– Нельзя быстрее, – перерекрикивая шум судовой машины, кэп высунулся из рубки. – Давление на пределе и так!

– И все же мы должны их догнать! – Кирилл упрямо стиснул зубы.

– Догоним, – успокоил капитан. – Скоро минное поле. Мы знаем фарватер, а враги – нет.

– Так что же, они могут взорваться?

– Нет! Обойдут!

Кир вновь прошел в башню, уместился за щитом рядом с шамом. Поинтересовался, что тот чувствует.

– Ничего, – пожал плечами наемник. – Слишком уж далеко. А скорость у нас – увы. Да баржа еще эта... плетется едва-едва. Зря мы ее взяли.

– Ты ж сам предложил Спайдера мотором поставить, – напомнил Кирилл. – Теперь полагаешь – не сможет?

– Не знаю, – вытащив из-за пояса нож, шам ловко откупорил банку тушенки и, подцепив острием клинка изрядный кусок мяса, с видимым удовольствием отправил его в рот. – Ммм... Хочешь?

– Спасибо, я сыт.

Нервничая, молодой человек снова вышел на палубу, посмотрел вперед, потом прошел на корму. Баржа, вроде бы как, догоняла катер! И впрямь догоняла, вполне уверенно. Значит, не подвел Спайдер, значит, удалось ему, удалось...

На полном ходу катер резко сменил галс, повернув влево, так что Кирилл поспешил ухватиться за поручни – леер. И тут же увидел мину! Круглая рогатая чушка, как видно, сорванная с троса-минрепа, проскочила по правому борту судна, едва не задев! Задела бы – то-то был бы фейерверк... Эти старые минные поля всегда требовали присмотра, и фарватер здесь могли знать лишь весьма условно.

Баржа!!! – вдруг сообразил Кир. Катер-то проскользнул, а баржа?

– Мины! – стоя на корме, молодой человек закричал, замахал руками... понимая, что никто его на таком расстоянии не расслышит.

Не расслышат, так хоть заметят, сообразят – что-то неладно.

– Поворачивай! Поворачивай! Пово...

– Что-то нужно сообщить, господин сотник? – спокойно поинтересовались сзади.

Кирилл резко обернулся. Перед ним стоял матрос. Сероглазый, со спутанной копной светлых волос, в распахнутом на тощей груди бушлатике. Совсем еще юный, лет четырнадцати.

– Так что прикажете передать?

– А... ты вообще кто?

– Я сигнальщик, господин сотник!

Сигнальщик! Ну, конечно же.

Миг – и парнишка сноровисто замахал флажками. Появившаяся на носу баржи точно такая же нескладная фигурка замахала в ответ...

– Предупреждение принято. Они пройдут севернее. Еще что-нибудь?

– Пока хватит. – Кир перевел дух. – Благодарю за службу, матрос!

– Служу народу, господин сотник! – Сигнальщик весело вытянулся, убирая флажки в чехол и тут же совсем не по уставному подивился:

– Ничего себе, баржа прет! У них что там, атомный двигатель?

– А он и есть! – рассмеялся сотник.

Форт Риф обогнули совсем рядом с берегом, так, что видны были орудия, пулеметные гнезда и андреевский флаг на мачте. Символ древней морской славы России – косой синий крест на белом фоне. Такой же флаг развевался за кормой катера и самоходной баржи.

С форта донесся выстрел. Салютовали. Желали удачи.

Кирилл пригладил растрепанные ветром волосы, впрочем, тут же вновь растрепавшиеся, и, глянув вперед, увидел вражеский катер. Довольно большой, с черной высокой трубой, он находился всего лишь в какой-то миле от пустившихся в погоню кронштадтцев.

А ведь догнали! Догнали. Почти...

Кир заглянул в башню:

– Ну?

– Не мешай, – сосредоточенно вода перед собой металлической рамкой, недовольно пробурчал Наг.

Сотник послушно убрался. Не нужно было мешать шаму в столь интимный миг. Конечно, миля – это далеко, однако наемник использовал рамку – кустарное приспособление для усиления ментальных способностей. Может быть, ему и удастся...

– Она там! – высунувшись, прокричал Наг.

Удалось!!!

Чувство неопишуемой радости вдруг охватило Кира, словно бы все уже закончилось и похищенная девушка была освобождена.

И тем не менее – хоть какая-то удача. Хоть что-то. Хотя бы уверенность что вся эта погоня – не зря!

– Не пустышку тянем! – Молодой человек нервно засмеялся и хлопнул наемника по плечу. – Там, говоришь? Отлично! Еще что скажешь?

– Там еще один из наших... не чувствую – кто. И мысли похитителей никак не могу поймать, все ж далековато.

– Да и черт с ними, с похитителями, – ухмыльнулся Кир. – Главное – Лекса именно там. Живая! И Серж...

Берега

Внезапно налетевший ветер ударил в левый борт так, что катер едва не перевернуло, и капитан был вынужден вновь сменить галс, повернув суденышко носом к волне...

Окатило так, что мало не показалось никому! С палубы смыло все, что плохо лежало, – пару каких-то ящиков, бочку, приготовленную для уборки ветошь...

– Тьфу ты! – выбираясь из башни, отплеывался насквозь промокший шам. – Этак и утонуть можно. Мы что же, и в бурю поплывем?

– Не поплывем, а пойдем, – важно поправил сотник. – Так ведь нет никакой бури, дружище Наг. Подумаешь, волной окатило.

– Ага, волной... – наемник опасливо поежился. – Вон еще одна катит. И за ней... Давай-ка побыстрей в рубку!

Пожалуй, только там, в капитанской рубке, и можно было спасти – все люки на палубе уже были задраены, а пулеметная башня от волны не особенно-то спасала. Нет, конечно, в море не смоешь, но вымокнешь... а то – и захлебнешься.

В тесную рубку уже набилось довольно много для столь маленького помещения людей: не считая самого капитана, еще сигнальщик и двое матросов. Собственно, они и составляли почти весь экипаж катера, внизу, под палубой, оставались лишь моторист с кочегаром.

– И долго мы будем так кувыркаться? – задраив за собой люк, недовольно поинтересовался Кирилл.

Чумазый капитан раздраженно повел плечом:

– Пока волна не спадет. Ну, сами же видите, господин сотник.

Погоды ждали долго, минут двадцать, а то и все полчаса. Капитан вовсе не собирался подставлять под крутую волну борт своего судна, рискуя быть перевернутым. Вот и шел малым ходом на север, черт знает куда. А катер с похищенной Лексой, между тем, повернул на юг.

– Рискуют, – хмыкнул кэп. – Хотя у них водоизмещение куда больше нашего. Вот и устойчивей вражины на волне.

– Так, а наша баржа...

Самоходная кронштадтская баржа продолжала погоню, вовсе не отвлекаясь на волны. Массивность вполне позволяла их игнорировать, что было бы смертельно опасно для мелкого катера.

– Черт! – про себя ругался Кирилл. – Надо было на барже остаться. Так нет же – все хотелось быстрее.

И все же, наконец, наступил тот момент, когда и катер смог продолжить погоню. Резко сменившийся ветер разгонял облака, очистив широкую синюющую прореху, и волны теперь били в корму.

– Этак скоро и шторм нагрянет, – покачав головой, капитан потянулся к переговорной трубке. – Эй, там, в машине! Полный вперед. Самый полный.

Из трубы повалил густой дым, катер словно подпрыгнул и, казалось, полетел на волнах, быстро нагоняя похитителей... и собственную, уже ушедшую далеко вперед, баржу. Разогнались так, что толком и не заметили, как вошли в Неву.

Древний город встретил незваных гостей оскаленными провалами полуразрушенных зданий и торчащими по обоим берегам островами мостов. Ветер гнал воду вверх по Неве, играя белыми барашками волн. Все, кроме кэпа, вышли на палубу. Кирилл помахал барже, идущей параллельным курсом, почти борт в борт. Оттуда ответили бравурной музыкой.

Похитителей не было видно, но никто по этому поводу особенно не переживал – уж в реке-то им некуда деться! Не море. Чтобы причалить к берегу – нужно сбросить скорость, нужно время... и не так уж вражины далеко ушли. Да и ментальные способности шама не стоило сбрасывать со счетов.

– А вот теперь будьте внимательней и осторожней, – предупредил всех Кирилл. – Они вполне могут открыть огонь.

– А раньше чего же не открывали? – вскинул глаза юный сигнальщик Юр.

Спросил и сам же ответил:

– Наверное, потому что – волны. Все равно не попали бы. Соображают, гады. Умные. Ой, ой, смотрите, что это?!

В районе одного из разрушенных старых мостов (свераясь с картой, капитан катера обозвал его Охтинским) вдруг началось какое-то бурление. Лопаясь, понимались откуда-то из глубины пузыри, как будто бы закипал огромный чайник, вода бурлила, накатывала, исходила воронками... вот чуть успокоилась... и вдруг...

Откуда-то со дна реки взметнулось ввысь огромное, усаженное присосками щупальце, на конце которого сверкал коготь, похожий на крюк подъемного крана. Коготь-крюк упал, ударил в корму катера, пробив палубу, зацепил... и потащил назад.

– Полный вперед! – истошно заорал кэп. – Самый полный!

Из трубы валил густой дым, рычала – вот-вот взорвется – машина, бешено вращался винт... Но катер не двигался с места.

Еще одно щупальце взметнулось в небо...

Кирилл бросился к пулеметной башне. Заводил стволом тупорылого «Максима», прицелился, как смог...

Воздух прорезала гулкая очередь. Пулемет «Максим» хоть и древний, и без всяких наворотов, а все же штука убойная... Словно перебитое пополам невидимым клинком, щупальце вдруг надломилось, дернулось и, исходя буровато-красной кровью, упало обратно в реку, подняв тучу брызг.

Справившись с первым оцепенением, экипаж катера тоже не терял времени даром: зацепившееся за корму щупальце расстреливали из винтовок, кололи штыками и кортиками с таким остервенением, что неведомое речное чудовище все же сдалось, выпустило добычу.

– Ур-ра-а-а!!! – радостно закричав, юный сигнальщик Юр поднял глаза к небу...

И тут же осекся, замолк, глядя в неом изумлении, как из воды, истекая грязновато-бурой пеной, вдруг поднялось нечто!

Нечто округлое, склизкое, размером с древний Исаакиевский собор! Круглая, огромная, словно купол, голова с клювом и желтыми немигающими глазами, горевшими лютой утробной злобой и ненавистью.

Поднявшись высоко над водой, чудище зашипело, словно тысячи змей, и вновь взмахнуло щупальцами...

Кир припал к пулемету... но это было все равно что идти с рогаткой на танк. Впрочем, ведь пару щупалец уже удалось отбить. Правда, на этот раз речь шла не о щупальцах, а о самом их жутком хозяине, огромном, как само небо.

Недолго думая, Кирилл полоснул очередью по глазам чудовища. Брызнула кровь... одно око лопнуло. Раздался жуткий вой, катер подбросило, едва не выкинув на берег...

Послышалась длинная очередь. Потом еще одна... Притормозив баржу, бил из всех своих пулеметов Спайдер! Бил от души, не очень-то заботясь об экономии боеприпасов. Впрочем, об этом сейчас никто не заботился. Все – экипаж катера и баржи – палили, как сумасшедшие, благо промахнуться по такой махине было весьма затруднительно.

Катер резко повернул влево, проскальзывая под падающим щупальцем гигантского осьминога. Успел! Конечность раненого чудовища вспенила реку, словно кипящий котел, однако в погоню монстр не пустился – то ли ослеп, то ли уже издыхал, истекал кровью.

Тем не менее твари все ж удалось утащить на дно пару матросов...

Как только катер и баржа выбрались на спокойную воду, Кирилл поспешно припал к окулярам бинокля, заметив впереди дым.

– Они? – тут же поинтересовался сотник у шама.

– Они, – покрутив рамку, утвердительно кивнул тот.

Сотник перевел дух:

– Хорошо, не потеряли.

Да трудно было бы потерять – река-то одна. Правда, враги в любой момент могли свернуть к берегу. Ну, на то имелся шам.

– Нет, это не береговые муты, – опираясь на поручни, рассуждал Кирилл. – Иначе б наша погоня давно закончилась. Ан нет! Похитители ведь не свернули ни к Сестрорецку, ни к Новоселкам, пошли в Неву. И уже миновали Питер. Кто же это такие, черт побери? И откуда они узнали по Лексу?

– Откуда-нибудь да узнали, – открывая тушенку, ухмыльнулся шам. – От тех же марки-тантов. Хороший Мастер Полей – лакомая добыча. Многие польститься могли. Не себе, так продать.

– Тьфу!

Кир раздраженно сплюнул – циничный ход мыслей наемника не пришелся ему по нраву. Хотя шам был прав. Лексу наверняка похитили не просто так, а как квалифицированного Мастера Полей. А бедолагу Сержа просто так прихватили, заодно.

Впереди, за широкой излучиной, уходил по ветру дым вражеского судна. Преследователи шли по пятам, и расслабляться было некогда – все сейчас жили ожиданием близкого боя. Все, кроме Кира. Вот он-то боя никак не хотел, это было бы чрезвычайно опасно для похищенных. Лучше обойтись вообще без боя. Нагнать, договориться. Выкупить. Или, наоборот, не договариваться, а неожиданно напасть на врагов ночью – отбить. Шам, кстати, больше склонялся именно к этом варианту, Кир и здесь понимал, что его одноглазый приятель прав. Вряд ли получится договориться, Лексу похитили вовсе не затем, чтобы отпустить, даже за хороший выкуп. Значит – война. Значит, схватка, точнее – лихой ночной рейд. И другого, похоже, не дано.

Ладно. Рейд так рейд. Кирилл стиснул зубы, понимая, что легкой прогулки не получится. Похитители знают о погоне и предпримут все меры предосторожности, а может быть, продолжат свой путь и в темноте. Хотя это вряд ли – слишком уж опасно. Нева со времен Последней войны – слишком уж своенравная река, чтобы можно было плыть по ней ночью. Днем-то приходится постоянно сверяться с картой, а иногда и сбрасывать ход, промерять лотом фарватер. Нет, не пойдут они ночью. По-любому – не пойдут.

– Интере-есно, откуда вообще взялись эти бродяги?

Кирилл спросил сам себя, риторически, понимая, что его циничный собеседник вряд ли сможет ответить. Да и никто не смог бы. Кир знал, конечно, что Нева вытекает из большого озера – Ладоги, но кто там по берегам жил – то было неизвестно. Может быть, люди-хомо, но скорее всего – мутанты.

– Сегодня ночью пробуем выкрасть, – вслух подумал Кирилл. – Наг, от тебя нынче зависит многое.

– Я понял, – выбросив пустую банку в воду, наемник смачно рыгнул. – Боюсь, у вас не хватит золота со мной расплатиться.

– Хватит, – усмехнулся Кир. – Да и с баром мы тебе поможем, как обещали.

– Надеюсь, – буркнув, шам отвернулся.

В последнее время он сердился на всех. На себя самого – за то, что не знал, как дальше жить и что делать с неожиданно свалившимся богатством, но пуще – на других, на кронштадтцев. За то, что они его в такое положение поставили.

Руководствуясь усиленным кустарной металлической рамкой ментальным чувством шама, оба кронштадтских судна, катер и самоходная баржа не отставали от видневшегося впереди дымка, но и не сильно спешили, старясь не показываться врагам на глаза. Вдруг те и вправду подумают, что погоня отстала, потеряла след? Для этого на реке вполне хватало опасностей, один давешний осьминог чего стоил!

– Не, вот ведь тварь! – пользуясь передышкой, вздох обсуждали матросы. – Огромная такая гадина! А вдруг такой к нам, в Кронштадт, заберется?

– Справимся! – презрительно хмыкнул сигнальщик Юр. – Здесь же справились. А уж тем более – дома. Что у нас, пушек, что ль, нету? Да закатить снарядом в пасть... или в глаз. Любая тварь на ошметки разлетится.

– Эт ты, Юрик, прав, – смеялись матросы. – И впрямь – что у нас, пушек да пулеметов нету? Чего нам какой-то глупой водяной твари бояться? Двуногие-то куда как опаснее.

– Эй, эй! – вахтенный на носу катера вдруг повернулся, закричал, замахал руками. – Смотрите-ка, там, впереди!

Все моментально повернулись, глянули...

Впереди, за излучиной, маячили разбитые остатки моста, когда-то крупного и, по всей видимости, разводного. Во время Последней войны, конечно же, мост был сразу же уничтожен – крылатой ракетой или боевыми роботами. Пара пролетов просто упала в реку, остальные же части так и стояли, маячили бесполезным символом древнего быстро закончившегося прогресса. Впрочем, не таким уж и бесполезным.

Кое-кто из местных лесных князьков-атаманов, как видно, приспособил остатки железобетонной конструкции для сбора дани со всех проходящих судов. Торчавшие с берегов пролеты укрепили бревенчатыми крепостями-срубами и камнями. Из срубов грозно торчали жерла старинных, судя по виду, пушек. За камнями и насыпанными вдоль реки земляными брустверами вполне могла укрыться целая рота бойцов, пусть даже вооруженных одними только луками да стрелами. В данных условиях и это примитивное оружие могло причинить проходившему кораблику немало бед, учитывая, что послевоенные суда особой бронированностью и скоростью хода не отличались, по большей части представляя собой большие гребные лодки. Просто выбить гребцов и забрать товар.

Судя по молодцеватому виду укреплений, без всяких пробоин, без следов от снарядов и пуль, в последнее время здесь предпочитали платить. Все. Даже маркитанты. Похитители, похоже, тоже заплатили. Заплатил бы и Кир – просто из-за того, что незачем было терять время.

Только вот оплаты никто не спросил! Из срубов дружно ахнули пушки, следом за ними послышались разрозненные залпы из-за камней. Еще хорошо, что оружие у неизвестных разбойников оказалось, мягко говоря, не особо технологичным. Пушечные ядра – не снаряды! – не причинив никому вреда, плюхнулись в реку между катером и баржей. Пули же пару раз отскочили от брони пулеметной башни, заставив шама присесть. Не от ужаса – от неожиданности, конечно.

– С чего б эти твари по нам палят? – округлив глаза, риторически спросил наемник. – Мы не можем заплатить за проезд? А, друг мой, Кир? Так, что ли?

– А с нас оплату не спрашивают! – жестом приказав капитану увеличить скорость, сотник погладил пулеметный затвор. – Ладненько. Попробуем прорваться с ходу. Сигнальщик! Передать приказ.

– Слушаюсь, господин сотник!

Юр проворно замахал флажками. На барже заметили и сразу прибавили ход. Оба кронштадтских судна выстроились в одну линию, сначала – катер, за ним – баржа со Спайдером. Вероятно, они бы прошли, прорвались бы... кабы наперерез им не рвануло неизвестно что. Какой-то выкрашенный в густо-зеленый цвет плотик с башней и огрызавшимся из нее пулеметом.

Пулемет – это было чревато и для катера, и для баржи, – пули горохом застучали по рубке.

– Малый ход... – заорал кэп. – Самый малый. Полный назад!

Пришлось отойти к излучине. Потерять катер или баржу вовсе не входило в планы Кирилла.

Кронштадтцев никто не преследовал. Враги – уж точно, не друзья – просто ждали.

Суда остановились на середине реки, прижавшись друг к другу бортами, точнее сказать – кранцами из старых автомобильных покрышек. Бросили якоря. Кир быстро перебрался на баржу, к Спайдеру, к основной части войска. Следовало кое о чем посоветоваться.

– Это Т-38. Советский. Плавающий. Танк, – сверяясь с когда-то закачанной энциклопедией, просветил робот. – Древний. Очень. Несовершенный. Плавает. Как топор. Двигатель. Сорок. Лошадок. Всего. Бронирование. Слабое. Вооружение. Один. Пулемет. Полагаю. Мы. С ним. Справимся. Только. Не подставляться. Под. Пулемет.

– Сорок лошадиных сил и один пулемет, – презрительно повторил рыжий десятник Рэм. – Не-ет, это не танк. Это какая-то танкетка!

Кирилл скривился:

– Танкетка не танкетка, а засадит очередь в борт – не обрадуешься. Надо вывести ее из строя как можно скорей.

– Так мы – враз! – тут же вскочили парни. – Ты только прикажи, командир.

– Стоять! – сотник дернулся, словно б его бойцы собрались тотчас же перевалить через борт и, форсируя Неву вплавь, ввязаться в бой. – Спайдер! Какие слабые места у этого... у этой чертовой танкетки?

Слабых мест у Т-38 оказалось много. Кроме смешного маломощного двигателя, еще и «зависающие» от влаги тормоза, и никакая, спасающая разве что от пистолетных и винтовочных пуль, бронезащита. И недостаточная плавучесть, к слову.

– То есть любой волной захлестнет? – уточнил Кир.

– Захлестнет. – Спайдер повращал возвышающейся над плоской кормой башней. – Обязательно.

По просьбе сотника робот выдал кое-что и о местности. Все, что имелось в старых логиях, справочниках и картах, некогда вбитых в живые мозги боевой машины смерти. Мост, на остатках которого устроили засаду сборщики дани, когда-то назывался Кировским, рядом с ним, на левом берегу Невы, располагался музей, а на открытой площадке – памятники-танки. Уже виденный на реке плавающий Т-38, а также – Т-26 (по сути, та же танкетка, только с пушкой) и машины куда более серьезные – Т-34 и два тяжелых КВ.

– Эти могут и с берега достать, – сотник недобро прищурился и сразу же выслал разведку.

– Попроберетесь незаметно по левому берегу, – наскоро инструктировал Кир сающихся в разъездную шлюпку парней. – Узнайте, какое у врагов вооружение. Пушки. пулеметы, танки. В бой не вступать. Вообще, старайтесь себя не обнаружить. Все ясно? Вперед.

Разведчикам не дали даже высадиться на берег. Махнули пулеметной очередью, правда – мимо. Пришлось поспешно ретироваться.

И вновь Кир задумался: что же делать? Спуститься еще ниже по реке и выслать разведку уже оттуда? Так пока бойцы доберутся, пока вернутся назад – этак и ночь, темнеет нынче рано.

Ночь так ночь. Кирилл улыбнулся – он уже принял решение прорываться именно ночью, точнее сказать – с наступлением темноты. Главную опасность для кронштадтских судов представляли танки. Возможно, кроме плавающего Т-38 у неизвестных врагов имелись и другие – местные, из музея – боевые машины, восстановленные умельцами... или с помощью Черного поля. Тяжелые КВ («Климент Ворошилов») на топкий болотистый берег полезли бы вряд ли, а вот средний Т-34 или, еще лучше, – Т-26, вполне можно было замаскировать. Пусть и не особо хорош Т-26, однако и у него тоже – пушка.

Пока то да се – провозились до полудня, а потом вокруг стало быстро смеркаться. Тем более, погода стояла пасмурная. Хоть дождя и не было, да все небо заволокли низкие серовато-желтые облака, напоминавшие подсохшую манную кашу.

По обоим берегам Невы тянулись заросли ивы, вербы, смородины. Кусты переплелись меж собой так, что протиснуться между ними можно было бы лишь с большим трудом. Неширокий пляж, видневшийся по левому борту, был завален топляком и каким-то мусором, справа же вообще никакого пляжа не наблюдалось, одни лишь деревянные мостки.

Наверняка враги ожидали попытки прорыва и деятельно готовились к таковой. А может быть, и не готовились, может быть, они постоянно были готовы. Разместили за излучиной танки – вот вам и пушки, и пулеметы. Попробуй, прорвись! Еще и плавающая танкетка вполне могла нанести весьма ощутимые потери любому гражданскому судну.

Вот именно – гражданскому. Именно к таким судам относился и паровой катер, переоборудованный из обычного портового буксира. Лишь пулеметную башенку прикрыли легкой броней – и все. Что же касается баржи, то ее, в силу приличных по сравнению с катером-буксиром размеров, вряд ли возможно было бы потопить пулеметной очередью. Тут требовалось оружие куда серьезнее – пушка. Семидесятишестимиллиметровая, как у КВ... или даже хотя бы вдвое меньшего калибра – Т-26 или БТ. Правда, из этой пушки нужно было еще попасть, и желательно – ниже ватерлинии. И – не один раз.

Последние приготовления к прорыву кронштадтцы закончили уже в сумерках. Бойцы получили от сотника последние инструкции и наставления. Нынче нужно было действовать решительно, умело и быстро. Впрочем, Кир верил в своих людей. Да, пусть они молоды и в чем-то даже наивны, но это тренированные и закаленные трудностями бойцы, а не комплексующие маменькины детки.

Едва наступила вечерняя тьма, как кронштадтские суда принялись разогревать двигатели. Собственно, разогревал паровую машину катер, Спайдер же не нуждался ни в каком разогреве, разве что – в музыкальном. Однако Кирилл строго-настрого приказал всем соблюдать тишину и, самое главное, строго-настрого следовать тщательно разработанным указаниям.

– Малый вперед... Средний...

Суда двинулись на прорыв одновременно. Массивная самоходная баржа и прячущийся у ее левого борта паровой катер. Именно правая сторона реки представлялась Киру опасной – если разбойники восстановили танки, то уж никак не могли переправить их на другой берег.

– Полный вперед! Самый полный!

От бешено вращавшихся винтов вскипела бурунами вода! Выйдя из-за излучины, суда резко увеличили скорость, ориентируясь на свет факелов, горевших на деревянных башнях. Туда и шли, прямо на укрепления врагов, держали курс точно на середину меж левой и правой башнями.

Откуда-то справа вдруг ударил прожектор. Затем, почти сразу – еще один. Послышался приглушенный гул генератора... или разогреваемых танковых движков! Со стороны правого борта, с берега вдруг ударила пушка. Мелкокалиберный снаряд угодил в корпус баржи. Послышался разрыв, на палубе взметнулось желтое пламя... Матросы с помпами давно уж стояли наготове и тут же принялись тушить пожар всеми доступными средствами.

Снова выстрел. На это раз снаряд просвистел мимо, а Спайдер, развернув башню, направил всю мощь своих пулеметных установок на скрывающийся где-то в кустах танк. Скорее всего, это был Т-26 – небольшой, подвижный, со слабым бронированием, годный лишь для подавления восстаний в колониях. Такие машины использовались лишь до появления противотанкового ружья. Мог быть и БТ-7 – скоростной, маневренный... и очень хорошо горящий!

Гул крупнокалиберных пулеметов Спайдера рвал в клочья ночную тишь! Выстрелы больше не слышались, видать, танку пришлось несладко... Однако еще где-то прятался Т-34, таились за густыми кустами грозные тяжелые КВ.

– Быстрее! Быстрее! Увеличить скорость! – кричал в мегафон Кирилл. – Снайперы... приготовиться...

На полном ходу – пятнадцать узлов в час (примерно около тридцати километров) суда под андреевским флагом, наконец, вышли на нужный фарватер – меж башнями. Между пролетами моста. Между двумя режущими тьму прожекторами.

– Спайдер!

Боевой робот все помнил и без команды. Выбрал самый подходящий момент, повернул башню, направил пулеметы прямо по курсу... И ударил – разрывными пулями в воду! В клочья разрывая все, что там имелось, что обязательно должно было иметься, чтобы помешать проходу судов. Заостренные кольца, растянутые под водой сети... Что-нибудь такое.

Да, было.

Вскипела, забурила от разрывов река! Подброшенные в воздух, падали обратно в воду разбитые в щепы кольца и остатки сетей. Спайдер неутомимо долбил пулеметами, расчищая фарватер... Катер ловко пристроился ему в кильватер... Еще рывок! Еще очередь... И винтовочный залп по камням и срубам...

Оба судна прошли! Прорвались. И ничто их не остановило. Ничто и никто!

Однако радоваться еще было бы рановато.

– Снайперы! Огонь! – оглянувшись назад, быстро приказал Кир.

Хлопнули выстрелы. Оба прожектора погасли, словно два выбитых глаза. Наступила тьма...

– Средний ход... Помалу...

Теперь пошел вперед катер. Отлично видевший в темноте шам нынче стал за лоцмана. Правда, Спайдер тоже имел все средства для ночного распознавания целей... но у него была иная задача – не фарватер, а танки!

Он их и распознал. Доложил, как показалось Киру, с довольной издевкой:

– Справа. По курсу. Две Цели. Судя. По. Конфигурации. Тяжелые. Танки. Серии. КВ. Огонь?

– Нет, – резко приказал сотник. – Твои пулеметы ничего не сделают с их броней... Заглушить двигатели! Режим тишины.

Разом смолкли машины. Прекратились выстрелы. Затихло все, и мертвая тишина повисла над черной Невою. Казалось, даже было слышно, как тревожно бьются сердца.

– Командир, – опустив винтовку, прошептал Николенка-Ники, парнишка из бывшего взвода Кира. – А что, если у них есть инфракрасный прицел?

– Надеюсь, что нет, – сотник нервно усмехнулся. – Был бы – давно б выстрелили.

И, словно в подтверждение его опасений, тут же грохнули выстрелы. Несколько, один за другим.

Все снаряды пролетели мимо, слышно было, как разорвались, ухнули где-то на том берегу. Значит, били наугад, значит, не было у врагов никаких прицелов!

На катере сверкнул фонарик – подавал условный сигнал шам. Впереди – поворот, излучина...

– Мотор! – резко скомандовал Кир.

Давно пора было! Разогнавшиеся суда быстро теряли ход, особенно – катер. Еще немного, и течение потащило бы его обратно к мосту, точнее – к его остаткам.

Прятавшиеся в ночи КВ еще сделали пару выстрелов – на звук судовых машин... судовой машины, Спайдер все же работал беззвучно. Конечно же, не попали, а дальше им уж и вовсе бесполезно стало стрелять – повернув, кронштадтцы скрылись за излучиной. Оба капитана, совершив крутой поворот, спешно направили суда к противоположному берегу. Опытный в боях сотник вовсе не забывал про танки, всерьез опасаясь рыскавших по левому берегу «тридцатьчетверки» и БТ. Именно так – по левому берегу, ибо берега у рек считаются по течению, кронштадтцы же шли против него.

Несомненно, и БТ-7, и Т-34 добросовестно поджидали в засаде. Только вот предполагаемая жертва оказалась хитрее! И ничего уже разбойничьим танкам не помогло – ни скорострельность, ни мобильность. Ну, пустили пару снарядов в ночь, так, для самоуспокоения, ну, затарахтели двигателями... И что? Куда дальше-то? Нева – широка, глубока. До того берега при всем желании не доберешься.

Однако же, от танков врага не удалось так легко отвязаться. Имея вполне приличную скорость, они преследовали кронштадтские корабли по берегу, обстреливая из пушек и поливая пулеметным огнем. Преследовали долго, но когда-нибудь всему приходит конец. Первым отстал менее проходимый БТ. Застрял в грязи или гусеница на корягах слетела. Затем и «тридцатьчетверка» затихла – заехала в овраг... или тривиально закончилось топливо.

Как бы то ни было, а обстрел прекратился. Вовремя, ибо уже начинало светать. Первые лучи солнца, невидимые из-за густых облаков, уже золотили восточный край неба. За густыми лесами, за сопками занимался день, и кронштадтцы, немного отдохнув и с почестями похоронив павших, принялись приводить в порядок суда. Нужно было срочно залатать пробоины, что-то починить, застеклить, подкрасить.

Бойцы хоть и устали, хоть и потеряли товарищей, а все же выглядели молодцевато и браво. Гордились – еще бы, врагу не удалось их остановить, несмотря ни на какие танки!

Лишь Кирилл грустно кусал губы. Цель-то все ж таки потеряли! Где корабль неведомых похитителей? Где-то впереди? Или уже давно причалил и сейчас бедных Лексу и Сержа тащат куда-то по лесам, по урочищам, по болотной вязкой трясине?

– Что ты чувствуешь, Наг? – перебравшись обратно на катер, сотник принялся доставать шама. – Неужели совсем ничего?

– Увы, – вращая рамкой, наемник устало разводил руками. – Слишком далеко уж они ушли. И что я могу сделать?

Ночной прорыв весьма разочаровал шама. Он-то думал, погоня окажется легкой прогулкой, по крайней мере, для него. Влезать в какие-то там разборки Наг вовсе не собирался. Просто показывать путь – и все. Ан нет, «просто» не получилось.

Плохо было то, что и сбежать было некуда, несмотря на то, что часть золота наемник с собой все ж таки прихватил. Так, на всякий случай. Зашил часть монет в пояс, в шикарный кожаный жилет, который и носил не снимая. Так вот и сгинул бы вместе с золотом, как некоторые. Ловил бы шальную пулю или упал бы в воду. Не выплыл бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.